Гюнтер Прин

КОМАНДИР ПОДЛОДКИ

Стальные волки вермахта

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Немецкий офицер-подводник Гюнтер Прин рассказывает о боевых операциях подводных лодок Германии в Атлантике, непосредственным участником которых он был. Вы проследите за судьбой одного из самых удачливых капитанов, добившихся признания на родине и нанесшего непоправимый урон противнику. А также познакомитесь с подробностями сражения в заливе Скапа-Флоу, за которое Прин был удостоен высшей награды — Рыцарского креста с дубовыми листьями.

- Гюнтер Прин
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Заключение

Гюнтер Прин
Командир подлодки
Стальные волки вермахта

Глава 1
Начало

Это происходило в Лейпциге недобрым летом 1923 года. Инфляция всех разорила. Наши родители обеднели. Улицы города были серыми и грязными. Шел дождь.

— Сегодня скажем? — спросил Гейнц.

Я подумал о маме.

— Думаю, мой старик всыплет мне, — беззаботно сказал Гейнц, многозначительно пошлепывая себя в грудь. Перспектива родительского наказания оставила его равнодушным.

Мы расстались перед моей дверью. Отойдя на несколько шагов, Гейнц обернулся и крикнул:

— Я обязательно скажу старику сегодня! — Помахав, он скрылся за углом.

Я поднялся по узкой деревянной лестнице. Ее стертые ступени скудно освещались маленькими окошками, выходящими во двор. Мы жили на втором этаже.

Дверь открыла мама. Она была в блузе, заляпанной краской.

— Ш-ш, тише, Гюнтер, — прошептала она. — Мистер Бузелиус еще спит.

Бузелиус — толстый студент, занимавший комнату у входной двери. Он учился уже семь лет. Обычно он оставался в постели до полудня, утверждая, что лежа ему лучше работается. Дверь тряслась от его храпа.

Я прошел в дальнюю комнату. Стол был уже накрыт. Лиззи Лотта и Ганс Иоахим сидели на высоких стульчиках бледные и робкие. На камине лежали три письма в голубых конвертах — счета!

Мама вошла в комнату с едой. Ячменный суп. Ели молча.

— Там много? — спросил я, кивая на голубые конверты.

— Самое плохое — счет дантиста, — вздохнула мама и добавила: — Тем, кому нечего кусать, не нужны зубы.

Я посмотрел на нее. Лицо было добродушным, круглым, а взгляд горьким. Нет, я не мог сказать ей. По крайней мере, сейчас.

Убирая со стола, мама сказала:

— Когда закончишь домашнюю работу, отнеси кружева Кливиц. Принесли еще коробку.

Я кивнул. Это не было настоящей работой, но мы на нее жили. Моя тетка покупала кружева в Эрцгебирге, а мама продавала их в маленькие магазинчики Лейпцига. Доход был

скудным, а иногда его и совсем не получалось.

Я дождался вечера, так как коробка была большой и мне не хотелось, чтобы школьные друзья меня с ней увидели. Магазин помещался на Нью-Маркет. В крошечном окошечке выставлялись старомодное нижнее белье, ночные рубашки с вышивкой, маленькие петельки и кружева для наволочек — наши кружева. Выглядело это так, будто кто-то вытряс в окно бельевую корзину 1880-х годов. Старшая из сестер Кливиц, маленькая, как бы усохшая женщина с острым носом и черными глазами, была в магазине.

— Добрый вечер, — сказал я, ставя коробку на прилавок. — Я принес кружева от мамы.

— Не мог прийти пораньше? — спросила она ворчливо. — Уже темно. — Она сняла крышку с коробки и принялась копаться в кружевах, бормоча: — Конечно, опять неотбеленные… и всегда тот же рисунок. «Глаза Бога», снова «глаза Бога». Никто не хочет сегодня этих «глаз Бога». Предупреждаю в последний раз.

Я ничего не ответил.

Звякнул дверной колокольчик. Вошла покупательница.

Мисс Кливиц оставила меня стоять и пошла обслужить ее. Видеть, каким приятным стало ее лицо, как мягко звучал голос, когда она разговаривала с покупательницей, было просто удивительно.

Я стоял и наблюдал. Да, вот так они жили, эти несчастные продавцы: раболепие перед вышестоящими и пинки для нижестоящих.

Покупательница ушла с пакетиком булавок. Мисс Кливиц вернулась к моей коробке и стала ковыряться в ней, как курица, выкапывающая червей, продолжая ворчать:

— Образцы были совсем другие, гораздо лучше… И аккуратнее сделаны… Вряд ли я захочу брать этот хлам.

— Ну… — начал я.

Она подняла голову и посмотрела на меня. Глаза ее стали как щелочки, рот приоткрылся. Еще слово, и она вышвырнет меня вместе с кружевами. Я знал это так точно, как если бы она сказала вслух. Я подумал о маме, о младших дома и промолчал.

— Ты что-то сказал? — спросила она.

— Нет.

— Ну а мне и не хочется ничего слушать, — сказала мисс Кливиц с триумфом.

Она пошла к кассе и отсчитала деньги. Я поблагодарил и ушел.

На улице я осторожно закурил сигарету, опасаясь, как бы школьный учитель не поймал меня. Нет, так продолжаться не

может. Я должен уехать, иначе задохнусь. Гейнц собирался сказать своему отцу, что мы оба хотим уйти в море, а я должен сказать маме. Возможно, лучше сделать это не откладывая.

Дома я проглотил ужин и отправился в свою маленькую узкую комнату с окном во двор. Там стояли раскладушка, стол, стул, умывальник и маленький книжный шкаф. Если встать поближе к окну, виден кусочек неба. Над кроватью висел портрет Васко да Гама, моего самого любимого из всех великих мореходов прошлого. Я читал и перечитывал книгу о его жизни. Как в двадцать семь лет он начинал, имея всего три суденышка, каждое не больше рыбацкой лодки. Как он плыл под парусами вокруг Африки, страдая от невероятных лишений. Как завоевал Индию и вернулся, приветствуемый королем и народом.

Если бы я мог уйти в такую жизнь, полную приключений! Но у мамы не было денег, это было главным препятствием. Правда, у меня была девяносто одна шведская крона, заработанная на международной ярмарке в Лейпциге. Но хватит ли девяносто одной кроны для поступления в морское училище? Возможно. А если нет, я могу уйти в море и без учебы. Это была моя последняя мысль перед тем, как заснуть.

На следующее утро Гейнц Френкель зашел за мной по дороге в школу.

— Я поговорил со стариком, — сказал он. — Отец был удивительно благоразумен для своего возраста. Предложил сначала получить аттестат об образовании, и тогда, если я не передумаю идти в море, он не будет препятствовать.

— Здорово! — сказал я.

— А ты? — спросил Гейнц. — Что сказала твоя мать?

— Ничего, потому что я ничего ей не говорил.

Смеясь, он похлопал меня по плечу:

— Ну, старина, значит, мы должны продолжать грызть науки.

Но мне было не до смеха. Днем я поехал в профессиональный совет при бирже труда, чтобы узнать об условиях обучения на юнгу.

Принимал меня точно не португальский король. Бледный желтолицый человек неодобрительно уставился на меня сквозь толстые стекла очков и спросил:

— Ты хочешь поступить в торговый флот, ты, малявка? А что скажут твои родители?

— Мама согласна, — соврал я.

— Тогда приходи с ней, — недоверчиво сказал он и снова стал листать бумаги, как будто меня тут и не было.

Скрепя сердце я объяснил ему, что хочу узнать, что я должен делать, чтобы поступить, и сколько это будет стоить. Он

раздраженно поднял на меня глаза, выхватил какую-то бумагу и бросил ее передо мной, не тратя слов. Это был проспект Немецкого морского училища в Финкенвардере. Я поблагодарил и ушел.

Выйдя, я изучил брошюру. Я не смотрел на картинки, едва глянул в текст и просто искал, сколько времени займет обучение и сколько оно стоит. Там значилось: три месяца учебы и сумма в бумажных марках, немалая сумма. Больше того, взносы могли увеличить без предупреждения.

Я пошел по улице. В офисе газеты «Лейпцигские новости» я изучил страницу финансов и стал подсчитывать. Какое счастье! Моей девяносто одной шведской кроны вполне хватало.

Дома мама сидела перед мольбертом. Картина изображала оленей в лесу. Эту картину она рисовала уже много раз.

— Только представь, дорогой, дантист берет картину в оплату. Ему нравятся мои картины, и он уже нашел мне еще двух покупателей. — Ее щеки зарумянились. — Я могу просить по крайней мере тридцать золотых марок за каждую, сказал он. Если дела пойдут хорошо, я смогу рисовать две или три в неделю. Это двести сорок или триста марок в месяц, мой мальчик. Знаешь? Тогда мы сможем перестать торговать этими кружевами.

Я посмотрел на нее. Она опять была в своей стране несбыточных мечтаний. Я глубоко вздохнул:

— Хорошо, мама, но не лучше ли будет, если тебе придется кормить одним голодным меньше?

Она опустила кисть:

— Что ты имеешь в виду, Гюнтер?

— Думаю, мне нора подумать, как зарабатывать деньги.

— И что ты предполагаешь делать?

— Я хочу уйти в море.

Она встала. Мы смотрели друг на друга.

Я быстро сказал:

— Посмотри, я получил программу морского училища в Финкенвардере. Плата не такая уж большая, можно заплатить моими шведскими деньгами. А потом…

Она прервала меня:

— Ты правда хочешь уйти в море?

— Да, — сказал я. — Правда. Ты ведь знаешь сама.

Она ничего не сказала, только наклонила голову. Потом тихо и неуверенно произнесла:

— Если так, я не буду стоять на твоем пути.

Глава 2
Под полными парусами

Мореходное училище в Финкенвардере размещалось в большом красном кирпичном здании на берегу реки. В течение дня мы могли видеть корабли, плывущие мимо, а по ночам по реке двигались огоньки. Когда мы лежали в своих дортуарах и не могли ничего видеть, мы слышали гудки пароходов и мечтали попасть на борт и плыть в неведомое.

Мы — это толпа из тридцати — сорока мальчишек, всегда голодных, как волки, всегда жизнерадостных и всегда полных надежд.

Дисциплина в школе была суровая. Если кого-нибудь ловили курящим, его заставляли съесть сигарету. Но нас это не удручало. Мы брали от жизни все, что могли, даже если это был обед начальника. Чтобы стянуть еду капитана Элкера, требовалась особая техника, трюк, который передавался из поколения в поколение. Когда подъемник проходил через нашу столовую, надо было быстро поменять полные тарелки на пустые. Неуклюжего могло зацепить в лифте. Но это проделывалось снова и снова. Кое-кто утверждал, что капитан Элкер такой маленький потому, что на своей тарелке часто не находит ничего, кроме воздуха.

Нас учили вязать узлы и сращивать концы, читать сигнальную азбуку и постигать все чудеса морского искусства. И все это очень быстро, потому что нас надо выпустить через три месяца. Старые моряки обычно называли нашу школу «машиной для морских сосисок».

Но нам все равно не терпелось, и все разговоры в свободное время касались только одного: возможности попасть в долгое плавание. Мы ходили взад и вперед по пристани, раскачиваясь, как настоящие моряки, плевали с пирса в воду и нетерпеливо ждали, что кто-нибудь обратит на нас внимание. Но никто не обращал.

Через три месяца был экзамен. Все сдали, и капитан Элкер, пожав каждому из нас руку, пожелал доброго пути в жизни. Все ушли, остались только мы двое: Янки и я. У нас не было денег, чтобы вернуться домой, и мы не хотели упускать ни малейшего шанса. Мы стали учениками класса «Д», оставленными после окончания курса. В Финкенвардере вы начинаете с класса «А» и переходите в «С» за месяц до экзамена. «Д» — это такие птички, которых кормят, пока им тоже не удастся найти пристанище.

Это было неприятное время. Наше случайное хождение по пристани превратилось в лихорадочную гонку с корабля на корабль. Но мы никому не были нужны. Однажды вечером, когда мы, уставшие и унылые, вернулись в школу, боцман Шмидт остановил нас в зале и сказал:

— Говорят, что после двух дней гость в доме, как и дохлая рыба, начинает вонять. — Он коснулся пальцем своей фуражки и ушел.

Это действительно было неприятное время. Когда однажды утром капитан Элкер приказал нам явиться к нему, мы почувствовали облегчение. Так или иначе, это был конец.

Когда мы вошли в комнату Элкера, он сидел за своим письменным столом. Мы откозыряли и встали по стойке «смирно».

— Полностью оснащенный «Гамбург» ищет двух юнг, — сказал Элкер резким командным голосом. — Это хороший корабль, и капитан — один из лучших моряков, каких я знаю. Вы можете приступать завтра.

— Хорошо, сэр, — сказал я.

Но Янки сухо спросил:

— А сколько мы будем получать?

Капитан Элкер нахмурился.

— Получать? — переспросил он с неодобрением. — Что ты имеешь в виду? Вы еще учитесь и на борту ничто. Как-никак «Гамбург» — учебный корабль. Компания требует тридцать марок в месяц за обучение. И это дешево, парни, чертовски дешево.

Я видел, что Янки покраснел. Он был сыном крестьянина из Померании, и деловой инстинкт был у него в крови.

— Мы не сможем принять это предложение, капитан. И в любом случае мой отец не заплатит.

— Ладно, — сказал Элкер. — А ты, Прин?

— Не думаю, что моя мама сможет заплатить, — вздохнул я.

— Ну, тогда, думаю, вопрос исчерпан. — Он отпустил нас презрительным жестом руки.

Вечером капитан вызвал нас снова.

— Ну, я договорился, — грубо сказал он, — что вы не будете платить.

— А сколько нам заплатят? — опять спросил Янки.

Элкер долго смотрел на него. Взгляд был любопытный, наполовину удивленный, наполовину раздраженный, и еще в нем читалось какое-то завистливое одобрение. Затем он сказал:

— Небольшая прибавка к нулю, — повернулся на каблуках и вышел, оставив нас стоять.

На следующий день мы пошли на корабль. Это было

воскресенье, ясный холодный день. Снег искрился на солнце, лед на Эльбе блестел, плывя вниз по течению. «Гамбург» был пришвартован к пирсу как раз напротив фирмы «Блом и Фос». Корабль еще загружали, везде на палубе лежали концы тросов и разные приспособления, в углу — пустые жестянки и мусор. На борту, казалось, никого не было.

Около трапа стояли два человека: офицер с синим воротничком и огромный мужчина в штатском. Он походил на моржа — красные щеки и обвислые усы. Его рубашка была расстегнута, несмотря на холод, и, казалось, могучее красное горло вырастает прямо из нее. По его жилету тянулась толстая золотая цепочка для часов.

— Это вы два новичка? — спросил морж глубоким басом, распространяя запах джина.

— Да, сэр, мы юнги, — ответил я.

— А, джентльмены из мореходного училища, — сказал он и насмешливо посмотрел на офицера. Затем рявкнул на всю палубу: — Стокс!

Через минуту явился матрос.

— Это салаги! — объявил боцман. — Покажи им шкафчики и койки. Этот, — он показал пальцем на Янки, — пойдет в носовой кубрик, а второй — на корму, в «еврейский храм». — Он повернулся и сплюнул в воду.

Стокс послал Янки на бак, где были койки матросов и юнг, а меня повел на корму. Я искоса посмотрел на него. Маленький тощий человек с бледным недовольным лицом. Передние зубы выдавались вперед, и в профиль он напоминал злобную крысу.

«Еврейский храм» — это помещение для старших матросов, большое и низкое. Справа и слева по стенам располагались койки в два яруса, образуя темные пещеры. В центре стоял длинный деревянный стол и две скамьи. Солнце проникало через иллюминатор и отражалось в обшивке, пронизывая мрак тонкими стрелами. Пахло водорослями, смолой, морской водой. Никого не было видно, но кто-то повернулся в темноте на койке, когда мы вошли.

— Вот твоя койка, — сказал Стокс и показал на пещеру справа.

Я бросил на нее свой мешок. Стокс сел за стол, вытащил газету и начал читать.

— Вы хотели показать мой шкафчик, — сказал я.

Он поднял голову:

— Что-о-о?

— Я хочу попросить показать мой шкафчик.

Он встал и направился ко мне. Шел бесшумно, голова

наклонена вперед.

— Что-о-о? — повторил он, странно растянув звук.

— Я хотел спросить…

В следующую минуту он ударил меня в лицо. Раз, потом еще и еще. Он бил тыльной стороной ладони.

— Я отучу тебя фамильярничать с моряком, болван! — выкрикнул он.

Я был так удивлен, что даже не пытался парировать удар. Но потом кровь бросилась мне в голову. Нет! Пусть подонок на десять лет старше, пусть сильнее и крепче, я не позволю избивать меня! Я втянул голову и сжал кулаки.

Чья-то рука легла сзади на мое плечо и сжала как в тисках.

— Спокойно, парень, спокойно, — сказал звучный голос. Потом Стоксу: — Пошел вон, мразь.

Я повернулся. Это был моряк с верхней койки. Я его разглядеть не мог, только его руку, все еще лежавшую на моем плече. Рука сильная, толстая, волосатая, мускулы как канаты.

Стокс потрусил к двери, что-то бормоча на ходу, но нельзя было понять ни слова. Дверь хлопнула. Человек перекинул ноги через край койки и спустился вниз.

— Думаю, ты новичок?

— Да.

— Как тебя зовут?

— Гюнтер Прин.

— А я Макс Витачек, — сказал, протягивая руку, здоровяк, на полметра выше и в два раза шире, чем я. — Не стоит беспокоиться, — продолжал он. — Стокс — вонючка. Он сам хиляк, поэтому ищет тех, кто слабее, и старается взять верх над ними.

— Я не слабее, — сказал я. — Еще неизвестно…

— Известно, — засмеялся он. У него были блестящие глаза, как бы омытые соленой водой и ветром. — Известно, — повторил он. — Ты, безусловно, слабее, потому что, если ты в самом деле побьешь Стокса, мы все побьем тебя. Ради дисциплины. — Он сел у стола и стал набивать трубку. — Я видел однажды, как это бывает, — сказал он. — Салага ответил на удар. Он был сильный парень и дал сдачи матросу. Но после этого три недели лежал в койке и ему понадобились металлические зубы. Обычно он чистил их наждаком. Я бы пожалел, если бы вынужден был помогать Стоксу, — добавил он, раскуривая трубку.

Пока он сидел, спокойно покуривая, я раскладывал вещи. Я еще не закончил, когда вернулся Стокс и приказал мне идти к боцману.

Боцман жил в каюте один. Он лежал на койке, положив на

стул ноги в ботинках.

— Ну, господин новичок, — начал он, — мы ожидали вас, потому что для вас есть важная работа.

Он выкатился из койки и, протопав мимо меня к двери под баком, рывком открыл ее.

— Вот наш парламент, — сказал он, указывая на два толчка. — Ты не поверишь: когда-то они были белые. Принимайся за них. Горячую воду и соду возьмешь у кока. Когда закончишь, доложишь мне.

Он ушел, а я принялся за дело. Через открытую дверь я мог видеть кусочек палубы и грот-мачту, высокую и стройную. Она вырисовывалась на фоне бледно-голубого февральского неба. Вот она, морская жизнь, о которой я мечтал. Проклятие, это не самое счастливое начало жизни на море.

Закончив, я отправился к боцману. Он пошел со мной и тщательно проверил оба толчка. Затем повернулся ко мне.

— Хорошо сделано, салага, — сказал он. Тон был сердечным и без сарказма. — Если всегда будешь делать так же, станешь добрым другом Гарри Стовера. — Он хлопнул меня по затылку и ушел.

В «еврейском храме» Зиппель и я должны были заботиться о порядке. Зиппель тоже был юнгой. Маленький быстрый паренек с копной светлых волос и веселыми голубыми глазами. Мы брали жестяные бачки с едой с камбуза и приносили их в столовую, где матросы, сидя за столом локоть к локтю, заглатывали пищу — жареную свинину с красной капустой, так как было воскресенье.

— Ты Гюнтер Прин, — сказал юнга, когда мы уселись есть, — а я Отто Зиппель.

Можешь обращаться ко мне на равных, хотя я на борту на четырнадцать дней дольше, чем ты.

Матросы засмеялись, только Стокс выглядел раздраженным. В этот день мы были свободны. На следующий день началась работа. Мы принимали на борт припасы, и я должен был поднимать на палубу мешки ручной лебедкой.

Затем паруса прикрепили к реям. Мы стояли высоко на своих местах, разворачивая паруса вниз и закрепляя их фалами. Ледяной ветер кусал пальцы, стальные оси были ужасающе холодными. Грот-мачта, как колокольня, возвышалась на сто шестьдесят футов. Палуба внизу казалась крохотной. Мы закрепили двадцать восемь парусов, и это заняло целых два дня.

Утром четвертого дня мы были готовы. Пришел буксир, и в семь часов мы отплыли. На реке была еще почти ночь, вода казалась глубокой и черной. Только льдины плыли светлыми пятнами, расступаясь перед носом нашего корабля. Мы двигались

в середине течения, команда стояла на борту, глядя на землю, еще лежавшую в темноте. Вдруг хриплый голос закричал:

— Трижды ура святому Павлу!

Вся команда в один голос выкрикнула:

— Ура! Ура! Ура!

По воде донеслись в ответ голоса, но мы не могли различить слова.

Когда стало светлее, я увидел у фальшборта человека в белой фуражке.

— Старик, Старый Козел, — прошептал Зиппель.

Человек на мостике вертел головой, как петух, собирающийся кукарекать. Потом он скрылся в штурманской рубке.

— Он вынюхивал ветер, — сказал Зиппель, — и теперь собирается прокладывать курс. Он чует погоду за три дня.

Я посмотрел на Зиппеля, но его лицо было совершенно серьезно. Нас вели на буксире вниз по Эльбе, и мы достигли открытого моря в полдень. Дул легкий северо-восточный ветерок, море выглядело серо-зеленым и очень холодным. К вечеру, перед закатом, буксир ушел.

Дали команду ставить паруса. Мы вскарабкались по реям. Паруса один за другим развертывались и наполнялись ветром. Солнце скрылось за облаком, на востоке медленно поднималась луна, круглая и полная. На море играли блики света. Мы работали, пока рубашки не прилипли к телу, несмотря на холод. Время от времени я замечал игру света на белых парусах.

Когда я снова оказался на палубе, меня захватило восхитительное зрелище: передо мной возвышались три серебряные башни, их вершины исчезали в ночном небе. Ветер пел в них, а снизу доносилось глубокое ровное шуршание рассекаемых носом волн.

Мы плыли. Как будто невидимая сила несла корабль и толкала его мягко, но непреодолимо. Не было шума машин, только глубокий и ровный звук волн. До Бискайского залива погода была хорошей, но потом ветер изменился, и мы должны были какое-то время лавировать. Но мы рассчитывали наверстать упущенное время за Азорами, когда попадем в пассат.

Когда мы подошли к Азорам, пассата не было, ветер дул легкими неравномерными порывами, будто кашлял старый человек. Хотя капитан приказал поднять все паруса, нам не удавалось делать больше десяти миль в час. Море как будто превратилось в жидкий свинец. Дни были знойными и душными, а ночи еще хуже. Мы не могли выносить это внизу, и, когда были свободны от вахты, лежали на крышках люков, чтобы почувствовать прохладный ночной воздух. Капитана видели

редко. Большую часть времени он полулежал в шезлонге за рулевой рубкой. Иногда около полудня, в самую жару, он появлялся. Длинное тощее привидение в розовой шелковой рубашке. Озабоченно смотрел на провисшие паруса, покачивал головой и снова исчезал за рулевой рубкой. Хотя видели его мало, мы ощущали, что именно он всем управляет. Между собой мы его звали Старый Козел.

Однажды днем Крамер, маленький человечек, послал Зиппеля на камбуз за сгущенным молоком. Он хотел подсластить свою лапшу. Но Зиппель вернулся без молока.

— Какого черта? — грубо спросил Крамер. Этот неуклюжий восточный пруссак редко открывал рот. Сейчас он был в ярости. — Что, этот проклятый мясник не мог дать молока?

— Нет, — озабоченно ответил Зиппель. — Он бы дал, но Старый Козел запретил. Говорит, надо экономить.

Крамер и остальные за столом ничего не сказали. Нарушил молчание Стокс:

— Завтра будет что-нибудь необычное: соленое мясо и сушеная картошка.

Это была наша ежедневная диета уже три недели. Фраза Стокса была больше, чем шутка.

С этого времени молока не было ни утром, ни днем, ни вечером. Спустя три дня я снова дежурил по столовой и пошел на камбуз за «пушечным огнем». Так назывался кофе, который приносили в четыре утра. Этот черный и горячий напиток, сильно пахнущий цикорием и слабо кофе, любим всеми моряками от Арктики до тропиков.

— «Пушечного огня» больше нет, — с сарказмом сказал кок.

— А что я им скажу?

Он пожал плечами:

— Можешь сказать что хочешь. Старый Козел запретил.

Моряки соображают не очень быстро. Когда я вернулся, позвякивая пустым бидоном, мое сообщение заставило всех замолчать, как и раньше. Они сидели в своих сетчатых майках или голые до пояса. Перед ними лежали морские сухари, которые они собирались съесть с кофе.

Я не знаю, кто начал. Думаю, Мюллер. Он взял сухарь, постучал по столу и запел:

— Едем, едем…

Это был сигнал тревоги, используемый, чтобы утром поднимать свободных от вахты. С ударами сухаря жучки вылезли из сухарей и побежали по столу. Их сметали на пол и давили ногами. Это была старая шутка. Но в этот раз было нечто большее. Команда расхватала сухари и барабанила ими по столу,

а хриплые голоса нестройно пели:

— Едем, едем…

Шум перекрыл голос Старого Козла. Он спустился с мостика и стоял прямо над нами.

— Боцман, — сказал он, — думаю, вам следует смотреть за тем, чтобы в помещении было тихо.

Загудел резкий голос боцмана:

— Проклятье! Молчать в кубрике!

— Чудной человек! — произнес кто-то приглушенно. — Он не хочет запачкаться о нас.

— И такой набожный и добрый, — подхватил Стокс, — как если бы сам Бог был его сердечным другом. Посмотрели бы на него в последнем рейсе.

— …Вы не пройдете под мостом в прилив с вашими мачтами, — сказал лоцман.

— Пройдем, — ответил Старый Козел, — я измерял.

Чтобы ждать отлива, надо было заплатить лоцману два фунта, а он не собирался тратить деньги.

— О'кей, капитан, под вашу ответственность, — сказал лоцман.

Старый Козел не ответил и ушел в штурманскую рубку.

Я сбивал ржавчину с фок-мачты, когда пришел Ивейзен и позвал меня:

— Эй, Гюнтер, загляни в штурманскую рубку, увидишь такое, что стоит посмотреть.

Я пошел и посмотрел. Старый Козел сложил руки и молился Великому Богу, чтобы он помог ему удержать и два фунта, и верхушки мачт и не наказал его за скупость. Он стоял на коленях. Так продолжалось по крайней мере с полчаса, пока мы шли под мостом. Мы проходили мимо штурманской рубки и смотрели. Благодаря Иисусу мы остались с целыми мачтами. Но с тех пор, когда бы мы ни проходили мимо Старого Козла, мы всегда стряхивали пыль с колен…

Раздалось несколько смешков.

— Ну, будем надеяться, что он не собирается молиться, чтобы наше соленое мясо ушло со стола, — сказал Шлегельспергер.

Дверь была открыта, и мы могли видеть, как Йессен бежит из камбуза к «еврейскому храму».

— Вы, морды! — заорал он. — Балкенхол на камбузе пожирает молоко. Я сам видел его рыло с большой банкой, в которой булькало молоко.

Как будто открыли клапан, чтобы выпустить давно

сдерживаемую ярость. Все ругались.

— Свинья, Иуда… Я ему, сукину сыну…

Затем Витачек решительно сказал:

— Мы прибьем его ночью.

Наступила темная беззвездная ночь. Небо было укутано низким туманом, лишь изредка его случайно пронизывал тонкий серп молодого месяца. До полуночи мы были свободны от вахты. В четыре часа босиком мы прокрались вперед. Балкенхол что-то писал, сидя в камбузе. Дверь была открыта, свет небольшой лампы отражался на его лысой голове. Мы столпились у фок-мачты, и Зиппель закричал:

— Балкенхол!

Тот посмотрел наверх. Его выпуклые темные глаза старались пронзить темноту.

— Балкенхол, — снова позвал Зиппель. На этот раз голос его звучал жалобно и умоляюще.

Балкенхол прочистил горло:

— Кто там?

— Можешь дать ведро горячей воды?

— Нет, — сразу ответил Балкенхол, как всегда, когда его о чем-нибудь просили.

Несколько мгновений никто не двигался. Мы начали думать, что Балкенхол почуял заговор, потому что внимательно смотрел в нашу сторону. Наконец он сказал:

— Если тебе что-нибудь нужно, войди.

— Я не могу, — сказал Зиппель и захныкал: — О, моя нога, моя окровавленная нога.

Любопытство Балкенхола возросло. Он встал, вперевалку подошел к двери и вышел на палубу, осторожно оглядываясь. Две тени выскочили из темноты и бросились на него. Быстрые, как привидения, все трое скрылись под шлюпбалкой в тени спасательной лодки. Послышались шлепки, совсем как в воскресенье, когда Балкенхол отбивает котлеты. Наполовину задушенный, он несчастным голосом закричал:

— Какого черта! Что вам в голову взбрело? Я ничего не делал!

— Ничего не делал? — спросил угрожающий голос. — Не ты ли готовишь для нас дерьмо всю дорогу?

Второй голос:

— Ты выпил наше кровное молоко, подонок!

— Я? Я выпил твое молоко? Никогда в жизни!

— Не ври. Йессен видел тебя.

Голос Балкенхола задрожал:

— Это вранье. Я знал, что Старый Козел опустошил банку… В

ней была едва ли капля. Но на вас похоже: когда Старый Козел запретил давать молоко, вы ни слова не сказали. Вы только и говорите: «Да, сэр, спасибо, сэр», и позволяете ему пинать ваши задницы. А ему плевать на вас хотелось. Вы думаете, я это делаю? Теперь вы хотите меня бить? Почему бы вам не пойти на корму и не высказаться откровенно?

Шенборн, наблюдавший у бизани, закашлял. Сразу же из темноты показался Рудлоф, третий офицер.

— Что происходит? — дружелюбно спросил он. — Свободные от вахты и не в койках?

— О, сэр, — фарисейски ответил Крамер, — ночь так прекрасна!

— Она действительно прекрасна, — кивнул Рудлоф и прошел мимо.

У него была лирическая натура, мы подозревали, что он пишет стихи. Но к этому моменту мы достаточно вкусили красоты ночи и уже хотелось пробраться к койкам.

На следующее утро мы работали наверху. Рядом со мной на веревочной лестнице стоял Зиппель. Палуба корабля была далеко внизу. Внезапно он вытянулся и спросил:

— Пойдешь с нами? Мы собираемся сбежать в Пенсаколе.

Я удивился:

— Что ты имеешь в виду? Ты хочешь сбежать?

Он, смеясь, кивнул:

— Конечно, почти все хотят. Весь «еврейский храм» опустеет и носовой кубрик тоже. Старый Козел может сам выбивать тараканов из сухарей.

Второй помощник свистнул, призывая нас спуститься вниз крепить такелаж. Я был взбудоражен тем, что сказал Зиппель. Значит, они хотят удрать. Просто уйти с корабля в Пенсаколе. Я легко мог это понять. Честно говоря, мне тоже хотелось убежать, и чем скорее, тем лучше. Я посмотрел на свои руки. Красные, обветренные, разъеденные морской водой. На шее нарывы из-за плохой пищи, мяса, соленого, как морская вода, и полного отсутствия зелени. Сбежать! Это очень хорошо. Но куда? Что делать в чужой стране без денег и документов?

Когда вахта закончилась, мы собрались в кубрике поесть. Я надеялся, что кто-нибудь заговорит о побеге, но говорили мало и о другом.

Освободившись, я пошел на нос и улегся на канатный люк. День был солнечный, небо ярко-синее. Паруса обвисли и слабо шевелились под случайным дыханием бриза. Они издавали легкий шлепающий звук, будто маленькие волны бились о мол. Их звук навевал сон. Через некоторое время Зиппель подошел и

сел рядом.

— Ты подумал, идешь?

— Что вы собираетесь делать, когда доберетесь туда? — спросил я.

— Увидишь, — ответил он величественно. — Так ты не знаешь?

Он пыхнул трубкой один или два раза и осторожно осмотрелся. Потом наклонился ко мне и прошептал:

— Стокс знает нескольких фермеров, которые ищут белых надзирателей. Это жизнь! Скачешь по полям… Полсотни негров потеют и работают, а ты над ними на коне и только говоришь: «Давайте, детки, работайте, работайте!» В полдень индейка и ананас, каждое утро какао, негры готовят тебе еду. А ночью ты спишь на шелковых простынях, и негры охраняют тебя…

Его трубка тряслась от возбуждения. Я не прерывал его. То, что он сказал, подействовало на меня, как реклама солнечного юга, которую мы видели на вокзале. Только Стокс был грязным пятном на этой картине.

— Кто еще, кроме тебя и Стокса? — спросил я.

Он посчитал. Набиралось пятеро, еще кок и Янки, с которым я пришел на борт. Не лучшая компания.

— И все? — поинтересовался я.

— Пока да, но, возможно, нас будет гораздо больше. А ты? — спросил он и повернулся уходить.

Я не мог прийти ни к какому решению.

— Еще подумаю, — сказал я.

Он пожал плечами и ушел сердитый. Я в нерешительности посмотрел наверх, где паруса слабо хлопали на ветру, сверкая белизной на фоне темно-синего неба. Все слышали о людях, преуспевших в южных штатах. Вы могли не стать миллионером, но за несколько лет кое-что накопить. Если я останусь моряком, очевидно, буду бедным всю жизнь. Я поднялся и пошел на корму.

«Еврейский храм» был пуст, дверь открыта. Только Крамер спал на своей койке, сильно храпя. Я взял из шкафчика бумагу и сел за стол. Через открытую дверь я видел линию горизонта, где небо и земля сливались в серебристом тумане. Я писал маме.

> «Дорогая мама, мы скоро будем в Америке. Путешествие было долгим. Должен сказать, что я воображал жизнь на корабле совсем иначе. У нас всегда много работы и мало хлеба…»

На бумагу упала тень. В открытой двери стоял Витачек. Я не слышал, как он подошел.

— Что ты тут делаешь? — спросил он.

Я закрыл письмо рукой. Он взял его совершенно спокойно, словно так и должно быть. Сел и начал читать.

— Ну, ну. Значит, ты с ними. Не думал так о тебе, братец Прин. — Он проницательно посмотрел на меня. Очень неприятный взгляд.

— Что ты имеешь в виду? — Я даже стал заикаться.

Он помахал рукой:

— Не извиняйся, мой мальчик. Ты знаешь так же хорошо, как и я, что происходит. Но позволь сказать тебе кое-что. Честный моряк не занимается такими вещами. Согласен. Они кормят нас дерьмом в этом плавании. Да. Старик — скупой Старый Козел. Но бросить все ради… все это… — Он показал на море, искрящееся под полуденным солнцем. — Разве ты не чувствуешь все это? Посмотри, когда мы попадем в шторм, ты увидишь, как идет старый «Гамбург». Тогда ты увидишь настоящего Старика, парень. И ты не увидишь на корме несчастного собирателя обрезков сыра. Ты увидишь моряка, готового к любой непогоде. Конечно, парни вроде Стокса не могут этого увидеть. И тем более Балкенхол с его грязным камбузом. У них просто нет этого зрения. Но позволь мне сказать тебе кое-что. — Он подался вперед, и его кулак вколачивал слова в стол. — Я не собираюсь смотреть, как ты позволишь себе спутаться с этими задницами! — Витачек вскочил так, что скамья грохнулась о стену, и затопал прочь.

Я посмотрел вслед и не стал продолжать письмо.

Ночью ветер изменился на юго-западный, и утром мы могли почувствовать запах земли. Это был странный сильный запах, пахло лесом, залитым солнцем. Огромные медузы проплывали мимо. В два часа наблюдатель закричал:

— Земля!

Через час и мы смогли увидеть плоскую белую береговую линию, блистающую на солнце. Был уже вечер, когда, лавируя против ветра, мы вошли в гавань и бросили якорь на рейде Пенсаколы.

После нашего разговора на люке Зиппель не разговаривал со мной. На следующее утро он опять подошел. Мы стояли у каюты второго помощника, чтобы получить аванс для берега.

— Ну, идешь с нами? — тихо спросил он.

Я покачал головой. Потом мы оба посмотрели на берег, мне было жаль, потому что, несмотря ни на что, мне нравился Зиппель. Даже если сейчас он не прав, он был хорошим товарищем.

В каюте второго помощника нас ждало разочарование. Матросы первого класса получили по три доллара, остальные матросы — по два, а юнги совсем ничего.

— Воспитательная мера капитана, — усмехаясь, сказал второй.

После обеда мы отправились на берег на моторной лодке. Город спал в слепящем полуденном свете. Это был любопытный город. Напыщенные деловые здания стояли рядом с грязными хижинами и сараями из ржавого железа, соседствуя с пустырями, забросанными падалью и хламом. Тощие пальмы были присыпаны белой, все покрывающей пылью. Я неторопливо шел и смотрел на магазины. Загорелый человек в рубашке с короткими рукавами потел под навесом перед кафе. Я не мог никуда пойти: у меня не было денег. Я медленно возвращался в гавань.

На длинной прямой дороге, которая, казалось, вела прямо в море, меня догнала повозка, маленькая, двухколесная, запряженная мулом и набитая людьми. Я услышал их крики на расстоянии. Это был Стокс и компания. Правил повозкой желтый полукровка с напомаженными усами. Он напряженно смотрел прямо перед собой. Проезжая мимо, они помахали бутылками со спиртным и что-то прокричали. Коляска была слишком мала, чтобы вместить их всех, и они висели на ней, как рой пчел. Вскоре коляска скрылась в облаке белой пыли.

В гавани я должен был ждать лодку, чтобы попасть на «Гамбург». Наконец, вернулся боцман и взял меня с собой.

— Ну, Прин, — благосклонно сказал он, — не повезло? Полагаю, дамы хотели видеть твое удостоверение о конфирмации? — Он засмеялся, показав черные остатки зубов.

На борту я сразу пошел в кубрик. Он был пуст. Все ушли. Корабль спокойно и мягко покачивался на якорной цепи вместе с движением моря, как во сне. Я влез в койку и скоро заснул. Среди ночи меня грубо разбудили. Влажное горячее дыхание коснулось моего лица, и хриплый голос пробормотал:

— Просыпайся, Прин, просыпайся!

Это был Зиппель. От него разило спиртом. Даже в мерцании маленькой лампочки, качающейся под потолком, было видно его красное и веселое, как детский шарик, лицо.

— Прин, мы сейчас убираемся, — прошептал он, увидев, что я проснулся. — Я просто хотел попрощаться с тобой и потом вот… — Он наклонился, поднял железный обвязанный ящичек и бросил его мне в ноги. — Я не могу взять его с собой. Принеси мне его завтра в кафе «Никита». Завтра днем после четырех, ладно?

— Но…

Он прервал:

— Пока, Прин. Ты, грязная собака, не пошел с нами, но ты мой приятель, не так ли? — Он повторил: — Прин, ты мой друг,

разве нет?

— Заткнись! — прозвучал с койки сердитый голос Витачека.

Мгновение Зиппель стоял, глупо тряся головой, как теленок, которому мясник нанес удар молотком. Затем он повернулся и пошел покачиваясь. Дверь осталась открытой. Я выскочил из койки и побежал за ним. Но темнота поглотила его. При бледном свете звезд я мог видеть несколько бегущих фигур с вещевыми мешками, набитыми так, что они почти лопались. Я прокрался в свою койку, но прошло много времени, пока я снова заснул.

Когда на следующее утро мы собрались на перекличку, отсутствовало девять человек: матрос первого класса Стокс, пять рядовых матросов, два юнги и кок. Боцман, распределявший работу, был в ярости. Он грохотал в кубриках, напрасно пытаясь отыскать беглецов в койках и шкафах. Нас распределили на работу, вместо двадцати семи осталось восемнадцать. Было трудно выгружать отбросы, которые за время пути стали твердыми, как камень. Мы разбивали их киркой, а затем поднимали на палубу в больших железных ведрах. В середине работы ко мне подошел боцман.

— Прин, к капитану! — сказал он елейным голосом, как священник на похоронах.

Впервые меня позвали к капитану. Пока я шел на корму, у меня тряслись коленки. Перед дверью я глубоко вдохнул и постучал.

Старый Козел что-то писал, сидя за столом, и не перестал этого делать, когда я вошел. Я осмотрелся. Каюта была маленькая, но удобная. Там стояли обтянутые кожей скамьи, а темно-коричневые стены красного дерева блестели, как свежий грецкий орех. Наконец он положил ручку и повернулся ко мне.

— Можешь сесть, мой мальчик, — сказал он дружеским тоном, и я присел на краешек скамьи.

Луч света из окна освещал его голову. В первый раз я мог близко изучать его лицо. Оно было длинным и красным. Голубые глаза глубоко прятались в темных веках, как в пещерах.

— Скажи, Прин, — начал он, — ты дружишь с Отто Зиппелем? — Капитан помолчал, уставившись на меня.

Я кивнул. Сердце билось где-то в горле.

— И ты знаешь, — продолжал он масленым голосом, — что Зиппель нелегально покинул корабль прошлой ночью вместе с несколькими другими?

— Да, сэр, — робко ответил я.

Внезапно он встал. Возвышаясь надо мной, как башня, он ткнул меня в грудь костлявым пальцем и закричал:

— Где они?

Я вздрогнул и должен был несколько раз сглотнуть, прежде чем смог, заикаясь, ответить:

— Не знаю, сэр.

Он медленно уселся в кресло.

— Ох, Прин, Прин, — сказал он тем же масленым голосом, как и прежде, — ты на плохом пути. Ты лжешь, тогда как знаешь, что должен говорить правду, сын мой.

Я продолжал молчать.

— Полагаю, ты думаешь своей глупой головой, — он дважды постучал костлявым пальцем мне по лбу, — что оказываешь своим введенным в заблуждение друзьям добрую услугу, не говоря ничего. Но подумай, какая судьба ждет их на берегу: их исключат из торгового флота, в их книжке моряка будет запись «дезертир», а если они начнут нищенствовать в Америке, — а они начнут побираться, Прин, — их закуют в цепи и заставят подметать улицы. Подумай об этом, Прин.

Я подумал и представил себе Зиппеля, истощенного, в позвякивающих железах, подметающего улицы, но промолчал. Капитан говорил со мной около часа, и я был весь мокрый, когда уходил из его каюты. Я не сказал о встрече в кафе «Чикита».

На обед была только холодная еда, так как кок исчез. Сразу после обеда я пошел к боцману просить отпуск на берег.

— С ума сошел, — все, что он сказал мне.

Это был конец. Я пошел в трюм помогать другим выгружать мусор.

После трех часов первый офицер проводил капитана к трапу. Старый Козел был в шелковом костюме, в белой фуражке и держался строго, с достоинством.

— Он собирается заявить в полицию, — сказал Крамер.

Мы стояли у поручня и смотрели, как они отбывали на моторке.

После четырех часов мне стало плохо. Я думал о Зиппеле, ожидающем меня в кафе «Никита». Каждый раз, поднимая ведро на палубу, я смотрел, не покажется ли он на набережной. В шесть часов мы закончили работу и стояли у перил.

— Смотрите, — сказал Крамер, показывая на шлюпку, идущую от пристани прямо к нам.

На веслах сидел цветной, а Зиппель, одетый в белое, сидел на заднем сиденье, наблюдая. Он появился, чтобы показать себя.

Из гавани вышла вторая лодка, моторка, и тоже быстро пошла к нам. Справа и слева неслись белые усы пены, на корме застыла высокая фигура Старого Козла. Расстояние между лодками уменьшалось. Зиппель смотрел, как гребет его мальчик,

не замечая ничего вокруг. К этому времени вся команда «Гамбурга» собралась у поручня и смотрела спектакль. Мы стояли как зачарованные. Только Витачек проявил мужество: он помахал Зиппелю и показал на преследователя. Зиппель, ослепленный гордостью, не обернулся. Оказавшись на небольшом расстоянии, он приложил руки ко рту и закричал:

— Я свободный гражданин США!

Старый Козел был теперь совсем близко.

Удивленный шумом мотора, Зиппель обернулся и в следующий момент извивался, как белый кролик в руке охотника. Катер подошел к трапу. Старый Козел, волоча Зиппеля за шиворот, быстро прошел в свою каюту.

Я не видел Зиппеля в этот вечер. Он вернулся, когда я уже спал. Поздравления в честь его возвращения продолжались слишком долго. Каждый хотел приветствовать его. Первый, второй, третий помощники и, наконец, с наибольшим энтузиазмом боцман.

Воскресная служба на следующий день была назначена на десять часов. Служба всегда проходит на земле, на море только в спокойную погоду. Капитан настаивал, чтобы присутствовали все.

— Он из Восточной Фрисландии, — сказал Крамер саркастически. — С тех пор как они съели святого Бонифация, у них святость в животе.

Сначала мы пели песню. Старый Козел вынул скрипку из футляра и сдул пыль. Он неторопливо натер смычок канифолью и елейно предложил: «Споем гимн номер 67». Он приложил скрипку к подбородку и запел высоким царапающим голосом:

— Бог привел нас так далеко, щедрость его велика.

Зиппель стоял рядом со мной и пел. Он благодарил Бога кривым ртом, потому что его лицо распухло после приветствий боцмана.

Глава 3
Крушение

3 сентября мы ушли из Пенсаколы. Корабль был перегружен, а на борту оставалось только двадцать человек из команды. Ни один дезертир не вернулся. Было раннее утро, солнце еще не поднялось над горизонтом. Мы подняли якорь и запели песню «Возвращение домой». Я думаю, это самая прекрасная песня. В каждом плавании она поется только один раз, когда поднимают якорь в последний раз на пути к дому. Боцман запел первым, потом присоединились другие:

Плывем домой, плывем домой,
Плывем домой по всем морям.
Плывем домой в наш старый Гамбург,
Плывем домой, к тебе, моя земля.

Паруса развернулись, и через несколько часов Пенсакола лежала далеко позади, бледная и нереальная, как будто мы никогда не ходили по ее пыльным улицам.

Мы снова были в высоких широтах. Однажды утром зазвучал корабельный колокол. Раз, потом еще… Затем быстрее и громче, громче, пока не зазвучал как колокол пожарной машины. Лурман и я стояли наверху на вантах.

— Пожар на корабле! — закричал он, спускаясь с быстротой паука, приближающегося к мухе, попавшей в его паутину.

Я поспешил за ним, пытаясь увидеть, где горит. Не было видно ничего, кроме парусов, наполненных ветром. Палуба оказалась пустой.

Вся команда стояла на носу: Старый Козел, первый помощник и все свободные от вахты. Облако черного дыма извергалось из канатного люка и расплывалось по оснастке фок-мачты. Мы побежали. Тяжелые едкие клубы дыма мешали дышать.

— Проклятье, горит канатный люк, — тихо сказал Лурман.

Старый Козел повернулся и бросил на него свирепый взгляд.

Мы стояли, глядя на извергающийся дым. Гарри Стовер и два матроса держали над люком трос. Затем из дыма раздался хриплый голос:

— Тащите.

Они тянули медленно и ровно. Сначала появилась голова

человека, потом грудь, наконец, все тело. Это был Витачек. Его отнесли к наветренной стороне и положили на палубу. Из канатного люка вылез Тейсон, почерневший от дыма, со слезящимися глазами, сотрясаясь от приступов кашля. Я бросился к Витачеку. Он лежал на спине с закрытыми глазами, как мертвый. Старый Козел поспешил к Тейсону:

— Что там? Огонь большой?

— Думаю, да, сэр. — Тейсон закашлялся. — Концы канатов тлеют как трут.

Старик повернулся к первому помощнику:

— Загляните в трюм, мистер. Я думаю, надо передвинуть мешки с пшеницей от переборок. — Его голос был масленый, как всегда, он только пришепетывал больше, чем обычно.

Кто-то вылил ведро воды на голову Витачеку. Он внезапно сел, ошеломленно осмотрелся и сказал почти беззвучно:

— Канистры с бензином, — потом громче: — Канистры с бензином!

Мы знали, что он имел в виду, сама мысль об этом вызывала озноб. В канатном люке было шесть больших канистр с бензином. Они могли взорваться, и тогда загорится весь корабль.

— Дайте мне линь, и я принесу их, — сказал Тейсон. До сих пор никто особо не замечал этого жилистого крепкого человека. После дезертирства Балкенхола он взялся за камбуз, потому что больше никто не хотел. — Я вытащу канистры, — повторил он настойчиво, обвязывая линь вокруг пояса. Кто-то завязал ему нос и рот мокрым платком.

Он скрылся в темноте люка с огнетушителем под мышкой. Мы услышали его зов. Первый помощник и боцман наклонились над люком и вытягивали канистры одну за другой. Нам приказали включить насос, но он сломался. Парусный мастер поспешно приступил к работе. Он сшивал ведра из парусины, а мы носили в них воду. Когда мы вернулись, Тейсона вытягивали. Он стонал, лицо почернело. Одежда обгорела и дымилась. Его пытались расспрашивать, но он оттолкнул всех, качнулся на подветренную сторону, схватился за поручни, и его вырвало. Он упал на колени. Второй помощник мигом оказался рядом.

— В чем дело, Тейсон?

Тот сделал ртом несколько судорожных движений, как рыба, вытащенная из воды, но не произнес ни звука, а только показал на ноги. Второй вытащил нож и разрезал брюки. Нога была багровая, покрытая волдырями, под коленом — черная корка обгоревшей кожи.

— Ожог третьей степени, — пробормотал второй. Он повернулся и закричал на нас: — Нечего стоять и чесать задницы!

Берите его и несите на корму.

Подошел Старый Козел:

— Принес огнетушитель пользу?

Тейсон покачал головой.

— Слишком много горело, — слабо проговорил он.

Старый Козел закричал, чтобы мы гасили огонь. Его голос разнесся по палубе, как труба. Работа началась.

Это было ужасно. Тридцать шесть часов мы носили воду в ведрах и выливали ее в воронку из парусины, которую мастер приладил над канатным люком, тащили пустые ведра к борту, наполняли и снова выливали в воронку.

Отдыхающих не было. Все были на палубе. Временами мы карабкались по вантам, так как ветер свежел. Волны захлестывали палубу, мы промокли до костей, но времени переодеться не было. Мы залили водой канатный люк, потом бункер камбуза, потом цепной ящик, поскольку огонь наступал уже на перегородки. К позднему вечеру на вторые сутки огонь утих.

Мы повалились, как пустые мешки, там, где стояли. Сонные, мы падали на палубу, на крышки люков, всюду. Весь корабль спал. Бодрствовали только двое: сигнальщик и рулевой.

Меня разбудил удар ботинка в бок.

— Проснись, ты не мертвый.

Одуревший от сна, я уставился на боцмана.

— Первый зовет тебя, Прин.

Пошатываясь, я неуверенно отправился на корму. Первый сидел в своей каюте и читал.

— Ты умеешь готовить, Прин? — спросил он.

Я сразу понял, чего он хочет.

— Немного. — Я колебался. — Совсем немного.

— Ну, думаю, для камбуза сойдет, пока Тейсон не поправится.

Я поморщился. Тот, кто хочет быть моряком, не находит ничего приятного в работе кока.

— Ты будешь получать зарплату матроса, — искушал первый, — и Зиппель будет твоим помощником.

Итак, мы оба направились на камбуз. Я со смутными чувствами, а Зиппель с большой радостью.

— Слушай, — сказал он, — мы же сможем есть, пока пена не пойдет.

Что мы и делали. Но мы не скупились и для других. У нас была цель: сделать лучшую еду, какая когда-либо была на «Гамбурге». Мы приступили к новым обязанностям в пятницу. С незапамятных времен это день соленого мяса на кораблях.

Балкенхол и Тейсон бросали мясо в горячую воду. Мы знали, как справляются с ним наши зубы и желудки. Мы пропустили мясо и черствый хлеб через мясорубку и сделали котлеты. После еды мы торжественно прошествовали через носовой кубрик и «еврейский храм», собирая похвалы.

— Со времени моей последней котлеты в миссии, — сказал Крамер, похлопывая себя по животу, — я не ел так вкусно.

Суббота — день сушеной рыбы на парусниках, но мы испекли рыбный пирог, и наша популярность стала даже смущать нас.

В воскресенье было мясо с красной капустой и пудинг. Мясо и хлеб для пудинга были, но капусту мы не могли найти. Я послал Зиппеля на корму, где в своей койке лежал стонущий Тейсон. Зиппель вернулся:

— Красной капусты нет, есть белая!

Я пожевал черенок трубки. Это стало бы нашим первым поражением. Белая капуста не годилась для воскресенья.

— Проклятье, — печально заметил Зиппель. — Они побьют нас.

Иллюзий насчет человеческой благодарности у него не было.

— Может, взять малиновый джем, — предложил он.

Я покачал головой:

— Нет, этого недостаточно. Но… подожди-ка минутку. Беги к боцману и попроси немного сурика. Если он спросит зачем, скажи, что хочешь покрасить камбуз.

Лицо Зиппеля прояснилось, и, посвистывая, он быстро скрылся.

Когда он вернулся, мы сначала проверили в старой жестянке цвет. Никакая красная капуста не могла быть краснее. Вкус улучшился. За обедом дежурные три раза возвращались за капустой. Мы не участвовали в общей еде, а ели из наших запасов то, что диктовала наша фантазия. Спаржа, какао, пудинг…

Был чудесный день, ясный и спокойный, и уж точно не было никаких причин, чтобы кому-то вздумалось заболеть морской болезнью. Но через четыре часа после обеда матрос первого класса Шлегельспергер вышел на подветренную сторону, перегнулся через поручни и выпустил обед, как пассажир при ветре в шесть баллов. Через полчаса каждое место в гальюнах было занято, а нетерпеливые люди с расстегнутыми поясами стучали кулаками по деревянным дверям. На мостике Старый Козел прохаживался взад и вперед с позеленевшим лицом. Время от времени он скрывался в своей маленькой каюте, где для его единоличного пользования находился специальный сосуд с позолоченными краями. Еще полчаса, и все, качаясь из стороны в сторону под бушпритом, удобряли луга сорняков на дне моря.

— Медвежья болезнь, — посмеиваясь, сказал Зиппель.

Смех застрял в горле: дверь открылась и появился Старый Козел.

— Вы кажетесь очень счастливыми на камбузе, — сурово сказал он.

Я был уверен, что он заметил и какао, и спаржу на столе, но промолчал. Он в два шага подскочил к плите, наклонился над кастрюлями и понюхал. Затем сунул длинный палец в кастрюлю с красной капустой, мигом повернулся и ткнул красный палец Зиппелю под нос.

— Что это? — прошипел он.

— Сурик, — ответил Зиппель, будто сурик был самой подходящей приправой для красной капусты.

Старик ничего не сказал. Он трясся от ярости, как кипящий чайник. Я уверен, что ему следовало вспомнить заповедь о любви к ближнему, потому что ничто иное не могло спасти нас.

— Это последняя соломинка, — сказал он наконец. — Марш обратно в кубрик, и явитесь утром на вахту. В четыре часа.

Эта собачья вахта — самое плохое, что испытывает моряк. Мы поползли прочь. Он позвал нас обратно.

— Думаю, лучше ничего никому не говорить об этой чепухе, понятно? — приказал он и прошествовал на корму.

Старый Козел был умным человеком. Через три дня с помощью опиума, касторки и молчания все пришло в норму.

19 октября утром мы прибыли в Фалмаут. Был солнечный, ветреный осенний день. Мы встали на якорь на внешнем рейде, потому что для захода внутрь требовалось заплатить пошлину. Старый Козел отправился на берег один. Он вернулся к вечеру. Оказалось, что утром мы пойдем в Корк. На борту царило уныние. Неделями мы были в море, весь день стояли на якоре, видя берег, но никому не разрешили попасть на него. Ночью на ветру скрипел рангоут, а утром старый парусный мастер с каплей, постоянно свисающей с носа, сказал всем, кто хотел послушать, что корабельное привидение гневается из-за скупости Старого Козла. Скоро мы узнали, что судьба припасла для нас.

До полудня мы прошли добрую часть пути, делая около десяти узлов по ветру. Ветер медленно менялся на юго-западный. На юге собирались серые бледные облака и скрыли солнце. Все стало серым. Ветер повернул на юг. Волнение возрастало, и волны, покрытые пеной, дрожали со сдержанной силой. Около четырех часов я освободился. Новая вахта появилась в плащах и сапогах. Мы отдыхали в кубриках, в тепле коек. Корабль трещал и дрожал при яростных шквалах. Мы не могли спать. Я услышал

пронзительный свисток третьего помощника и хриплую команду Стовера:

— Готовьте бом-брамсель. Спускай.

Затем послышался топот ног на палубе, скрип блоков и грохот цепей. Парусный мастер был с нами.

— Это на него похоже, — с горечью говорил он. — С капитаном Хилдендорфом этого бы не случилось. Видели бы вы, как он проходил мыс Горн в шторм. Он не спустил ни одного паруса.

Никто не ответил. Мы лежали в койках напряженные и ждали команды «Все наверх».

— Глупая судьба, — сказал парусный мастер и вышел. Порыв ветра захлопнул за ним дверь.

Опять пронзительный свисток.

— Приготовиться опустить верхние брамсели.

Снова лязганье цепей, скрип блоков и хлопанье провисших парусов на ветру. Послышался треск, как удары кнута, потом словно выстрел пушки. Я высунул голову и увидел свинцовое небо. Палуба была покрыта пеной, а высоко надо мной развевались обрывки верхнего брамселя. Убирали брамсель бизани.

— Когда дойдут до грот-мачты, Старый Козел вызовет нас, — сказал Крамер.

В следующий момент мы услышали хорошо знакомые шаги и масленый голос произнес:

— Думаю, пора поднять свободных от вахты.

Мы, злые, выскочили из коек даже раньше, чем Стовер приказал:

— Все наверх.

Снаружи были натянуты страховочные тросы, лодки прочно закреплены. Старый Козел в своей белой фуражке стоял на мостике — узкий силуэт на фоне темного неба.

— Ну, начинается, — прошептал мне Крамер.

— Приготовиться, взять гитов и бык-гордень!

Мы побежали по своим местам. И началось!..

— Тяни, еще тяни! — выпевал боцман, и мы бросались на бык-гордень со всей силы, пока руки не начинали гореть, а тело не взмокало от пота.

Грот сражался с нами, как дикий зверь в западне. Он трещал и скрипел, и понадобилось целых полчаса, чтобы закрепить его.

Боцман повернулся к Витачеку:

— Макс, надо снова закрепить верхний брамсель. Возьми с собой пару ребят. — Его голос был слышен даже сквозь шторм.

Витачек кивнул:

— О'кей. Прин и Стаабс, пошли. — Он прыгнул на ванты.

Мы последовали за ним. Наверху шторм казался еще сильнее. Мачта дрожала под его ударами. Ванты раскачивались, плащи шуршали, как сухие листья.

Наконец, мы добрались до паруса и медленно поползли к ноку. Корабль накренился на правый борт. Мы висели прямо над морем на высоте девяносто футов, яркая пена волн мерцала под нами. Было почти невозможно управлять парусом. Ветер вырывал его снова и снова, мокрая парусина хлестала по ногам. Похоже на то, будто держишь гуся за шею, когда он бьет тебя крыльями.

Раздался визг. Стаабс повис на ноке, ноги беспомощно болтались в воздухе. Парус сбросил его с веревочной лестницы. Витачек боком подобрался к нему, схватил за шиворот и поднял обратно. Стаабса послали на салинг, а мы с Витачеком управлялись с парусом вдвоем.

К семи часам стало темно. Казалось, шторм ждал ночи. С каждой волной мы черпали на борт огромное количество воды, она текла по палубе, смывая все, что не было крепко привязано. Вахта всю ночь простояла на мостике, потому что на палубе нельзя было удержаться.

Об отдыхе и мысли не возникало. Старый Козел снова и снова гонял нас на ванты.

Дважды за ночь мы меняли курс с правого борта на левый, а это значит — поднять паруса и снова опустить…

На следующее утро мы оказались на восемь миль дальше от Корка, чем накануне вечером. Это не было ошибкой Старого Козла. Он сделал все, что может сделать моряк при таких обстоятельствах. Шторм оказался хозяином положения.

Весь день мы лавировали между Хук-Пойнт и Сапел-Хед, но не могли продвинуться вперед. Мы промокли до костей и висели на страховочных тросах, как пауки, охваченные осенним морозом.

В десять часов вечера Старый Козел созвал офицеров на совещание. Они решили искать убежище в Дублине.

Мы установили фоковые паруса, плыли всю ночь и утром оказались недалеко от Дублина. Он скрывался в тумане. Низко висящие облака, казалось, подметали море хвостами дождя. Шторм продолжался.

К одиннадцати часам мы увидели длинный ряд мачт, обозначавший дорогу в гавани, как аллея тополей туманным утром. Мы искали плавучий маяк и бакены, но в тумане ничего не могли различить.

Внезапно сигнальщик закричал:

— Бакен по левому борту.

С мостика вахтенный офицер скомандовал:

— Лево на борт.

Я стоял в средней части корабля с веревкой в руках. Старый Козел прыгнул на палубу и закричал:

— Отдать якорь! Мы тонем.

В тот же момент раздался глухой звук, корабль вздрогнул. Старик закричал:

— Все на корму, надеть спасательные пояса!

Опять этот глухой звук. Мы прочно сели на мель. Буруны волн перекатывались через нас, паруса шлепали друг о друга, фок-мачта качалась, будто собираясь обрушиться.

— Рубить верхние фалы! — закричал Старый Козел. Казалось, мы карабкаемся на дерево, которое рубят.

Крамер выругался и медленно полез на ванты. Мы увидели, как он повис на салинге и вытащил нож. Паруса обрушились на палубу.

Снова зловещий звук снизу. Потом еще и еще… Долгий перекатывающийся грохот… Корабль освободился. Его боком несло к берегу.

Хриплый крик:

— Он управляем!

— К фок-брасам! Приготовиться отдать якорь! — закричал Старик.

«Гамбург» медленно повернулся и начал движение. Корабль был спасен. Старый Козел перевел дыхание. Это все услышали, потому что он еще держал мегафон у рта. Он дышал, как паровоз, выпускающий пар.

На палубе появился плотник.

— Впереди три фута воды, в середине три с половиной, на корме три с половиной, — отрапортовал он резким голосом.

— Поднимается? — спросил Старый Козел.

— Кажется, устойчиво.

— Хорошо! Проверь через десять минут.

Мы медленно двигались к темной полосе берега в серой пелене дождя.

— Якоря готовы? — прокричал Старый Козел.

Первый помощник просигналил:

— Все чисто.

Корабль неуклюже поворачивался к ветру.

— Взять паруса на гитовы, отдать якорь, — последовала команда с мостика.

Паруса бились с громким шлепающим звуком. Якорная цепь загремела.

— Носовой якорь отдан!

Следующая команда:

— Отдать якорь с правого борта.

Лязг цепей внезапно уменьшился, и в тишине мы услышали три коротких металлических удара, как будто по железной обшивке корабля били стальным молотом. Мы стояли застыв, не понимая, что случилось.

Только парусный мастер сказал:

— Привидение стучит.

Дверь распахнулась. Чипс качнулся вперед, сделал несколько неуверенных шагов и рухнул на палубу. За ним вбежал Франц Болер с криком:

— Цепь правого борта лопнула.

Мы столпились вокруг Чипса. Кто-то встал на колени и пытался поднять его голову. Я протер его лоб. Его волосы поседели.

— Цепь лопнула, ее звенья врезались в борт, — задыхаясь, говорил Болер. — Три звена прошли рядом с головой Чипса… Все три застряли в борту. Смотрите! Он же совсем седой!

— Приготовить ракеты! Сигнал бедствия! — приказал с мостика капитан.

Нас охватила паника. Сигнал бедствия! Это конец.

«Гамбург» снова повернулся боком к шторму и дрейфовал к берегу. Не было никакой возможности управлять им. Он двигался беспомощно по воле волн и ветра, как кусок дерева.

По всему кораблю раздался треск, потом снова. Мы тонули во второй раз. Был вывешен сигнал бедствия, ракеты вспыхивали высоко над оборванными парусами. С мостика новый приказ:

— Подготовить лодки, команде взять документы.

Мы побежали в кубрики. Остановившись, Йонас схватил меня за руку и показал на люк.

— Крысы, — прошептал он. Волной разбило крышку люка, и оттуда катились огромные жирные создания с острыми мордами и длинными хвостами. Настоящий адский выводок. — Посмотри на этих чертовых крыс, — повторил Йонас.

Это был сигнал. Болер, Йонас и Флейдерер налетели на животных с криками ярости и погнали их по палубе пинками и прутьями. Сдерживаемая ярость последних дней и ночей нашла выход в бешеной бессмысленной погоне. Мы гоняли крыс как одержимые.

Темнело. С приливом волны все больше разбивали корабль. Флейдерер ударил крысу деревяшкой, схватил ее за хвост и поднял. Она не умерла и визжала почти человеческим голосом. Продолжая визжать и царапаться, она пыталась освободиться, пока он не выкинул ее за борт.

— Сколько воды в корабле? — закричал капитан.

Через некоторое время ему ответили:

— Впереди четыре фута, в середине четыре с половиной.

Вскоре после пяти часов подошел спасательный катер и взял нас на борт. Старый Козел сел на нос. Лицо его было бледным, как воск, губы сжаты, он смотрел на обломки «Гамбурга», держа корабельный хронометр между колен.

Была ночь, когда мы добрались до Дублина. Нас провезли по темным улицам и разместили в общежитии Армии спасения. Ликера не было, только чай и сандвичи. Люди из Армии спасения запели гимн, нам предложили присоединиться. Слов мы не знали, но мелодия была похожа на наши песни. И мы запели со сжатыми руками:

Видел ли ты наш старый корабль? Хо-хо-хо…

К утру шторм утих, и мы отправились на «Гамбург». Палубные надстройки были смыты, в кубриках на фут воды. Корабль был в ужасном состоянии. День и ночь мы работали у насосов. Пшеница начала пахнуть, нам пришлось вытаскивать мешки на палубу и выбрасывать за борт. Тридцать четыре тысячи мешков, достаточно, чтобы в течение года кормить целый полк.

Мы стояли у Дублина шесть недель. В городе мы были очень популярны за нашу набожность, поскольку парни из Армии спасения расхваливали наше пылкое пение в ночь крушения. Кроме того, мы были немцы, а враг Англии — друг Ирландии. Обычно в кино аплодировали, когда на экране появлялись немецкие войска, англичан же приветствовали мяуканьем и свистом. Так было в 1925 году.

Судьба «Гамбурга» была решена через шесть недель: общее крушение.

Старый Козел улетел в Гамбург докладывать хозяевам. Нас собрали на «Лютцов» и привезли в Бремерхавен как пассажиров третьего класса — моряки без корабля. Там мы разделились. Вместе остались только Гарри Стовер, Витачек и я. Мы решили завербоваться в морской конторе в Гамбурге.

Туда мы прибыли в неудачный день декабря, перед Рождеством. В конторе на Адмирал-штрассе горел свет. Маленький лысый человек за столом посмотрел на нас, когда мы вошли, и продолжал писать. Сидящий в глубине комнаты человек в черном встал со стула и подошел к нам. Это был Старый Козел.

— Думаю, мы должны обменяться рукопожатиями, — сказал он, протягивая свою костлявую руку.

Мы поклонились и пожали ее. Затем нам выдали наши документы. Выйдя, Витачек сказал:

— Он опять дешево отделался. Я предпочитаю грог.

Мы пошли в контору получить деньги. Сначала заплатили Стоверу, потом Витачеку. Подошла моя очередь.

— Вы должны нам пять марок, — сказал клерк.

— Что вы сказали?

— Я сказал, что вы должны нам пять марок, — любезно повторил клерк. Бодрый молодой человек хотел побыстрее отделаться от нас.

— Но как это возможно?

— Пожалуйста, читайте сами. — И он протянул мне бумагу.

Это был счет юнги Гюнтера Прина, написанный самим Старым Козлом. Начинался он с пары сапог за сорок пять марок, затем шел длинный список сигарет, ниток, иголок и прочих странных вещей, которые я стянул на борту. Я уставился на бумагу.

— Чудные цены, — сказал я.

— С этими деньгами можешь купить корабль, — засмеялся Витачек.

Но мне было не до смеха. Я полгода работал, мерз, голодал, был несчастлив, натер волдыри на руках — и все за это!

— А как я доберусь до дому? — спросил я, дрожа от ярости.

— Компания приготовила вам аванс — стоимость проезда в четвертом классе, — милостиво пояснил клерк.

— Вы, чертовы… — начал я.

Стовер положил на мое плечо свою широкую лапу:

— Заткнись, мой мальчик. Бери свои деньги, и пойдем. От этих подонков больше ничего не получишь.

Я вздохнул, и мы ушли.

— Не беспокойся, Прин, — сказал Витачек на лестнице, — мы что-нибудь сообразим, можешь пойти с нами.

— Я заплачу за тебя, — сказал Стовер, поигрывая деньгами в кармане.

— И я, — добавил Витачек.

Моряк с деньгами в кармане — это лорд! Стовер свистнул такси, и мы отправились к Поли, женщине, которую хотел видеть Витачек.

Девушки показались ему слишком вялыми, поэтому мы поехали в Таттерсол. Расстояние — всего несколько шагов, но Гарри Стовер настоял, чтобы швейцар, обшитый золотым галуном, вызвал ему такси. Он отказывался делать хоть один шаг пешком, пока в кармане есть деньги.

Ничего особенного не оказалось и в Таттерсоле, поскольку было время отпусков, поэтому мы поехали в Тритчер, потом в Алказар, выпивая в каждом месте.

— Прохладно, — сказал Стовер, передразнивая голос Старого Козла.

Закончили мы на черном диване в доме Гермины Хансен. Витачек сидел справа, Стовер слева, я посередине. Мы пили, пока слезы не полились из глаз. Гарри Стовер промямлил:

— Еще одно плавание, Прин, и у меня будут деньги, чтобы купить «Звезду Давида», знаешь, недалеко от гавани. Это золотая жила. Там всегда будет шумно, и ты, когда придешь, получишь столько пива и столько грога, сколько выпьешь. Давай выпьем за это. Эй, мисс!

Сонная девушка за стойкой, поколебавшись, принесла три грога с водой, потому что ром был только у Гермины Хансен. Мы пили без перерыва. После шестого стакана Стовер засвистел в свой боцманский свисток, чем всех удивил. Он заплатил по счету, и мы ушли, так как мой поезд уходил в четыре утра.

Такси привезло нас на вокзал. Качаясь, мы шли рука об руку по платформе. Поезд уже подали. Он был ярко освещен. Мы поклялись, что никогда не покинем друг друга.

Человек в красной фуражке подал сигнал, и мне удалось заскочить в вагон, когда поезд уже трогался.

Стовер и Витачек стояли обнявшись на платформе и пели:

Плывем домой, плывем домой,
Плывем домой по всем морям…

Я поднял якорь на пути к дому.

Глава 4
Лебедки и пар

Спустя несколько недель я вернулся в Гамбург и поступил на «Пфальцбург», большое грузовое судно, направлявшееся в Южную Америку.

— Ты попал на прекрасный корабль, — сказал мне перевозчик, везя меня на судно. Он указал на уродливый черный пароход, забитый дерриками. — Когда они все заработают при ста градусах в тени, ты все сам поймешь, — кивнул он понимающе. Мы уже подходили к кораблю.

С мешком за плечами я вскарабкался по шторм-трапу. Меня встретил маленький широкоплечий человек с круглым лицом и плоским носом, боцман грузовика.

— Что ты хочешь? — спросил он.

Я показал ему документы.

— Ну, давай посмотрим, — кивнул боцман.

— Почему бы нет? — ответил я.

Он пожал плечами.

— Иди вперед. — И пальцем указал в сторону помещения на баке.

Это была узкая низкая каюта. В середине стояли шесть коек, попарно связанных проволокой, одна над другой. Вдоль стен жестяные рундуки. Две лампочки без абажуров днем и ночью горели белым как мел светом.

Я осмотрелся. Белье на койках было грязным, на рундуках висячие замки. Я вспомнил о «еврейском храме» на «Гамбурге». Там приятно: все из дерева, койки у стен, шкафчики никто не запирал. На парусном флоте нет воров.

Молодой мальчишка с сигаретой, болтающейся в углу рта, пошатываясь, вошел в кубрик и с любопытством уставился на меня:

— Ты откуда взялся?

— Я принят матросом.

— А-а, — ответил он без интереса.

— А ты? — спросил я.

— Я здесь юнга.

— Не может быть, — сказал я, припомнив, как меня приняли на «Гамбурге», когда я сам был юнгой. — Скажи, ты думаешь, что можешь запросто болтать с матросами?

Слегка наклонившись, он наблюдал, как я распаковываюсь.

— Конечно.

— Но не со мной, понял? Когда я был юнгой, я должен был уважать матросов.

Он вынул сигарету и уставился на меня в изумлении. Затем повернулся, выскочил из кубрика, закукарекав, как петух, и побежал на корму в своих скрипучих башмаках.

Через полчаса позвали есть, и я пошел в столовую, маленькую комнату со скамьями вдоль стен и узким столом в середине. Четырнадцать взрослых людей ели без удовольствия, втягивая бульон через зубы. Юнга сидел среди них. Я плечом раздвинул двоих. Когда я сел, огромный матрос в рубашке с короткими рукавами поднял голову.

— А, новый матрос, — сказал он, продолжая шумно есть.

Юнга хихикнул.

Я внимательно посмотрел на матроса. Он выглядел грубым, с широким лицом, бровями, нависшими над маленькими, глубоко посаженными глазами, зубами как у волка. В открытом вороте рубашки виднелась татуировка мачты корабля, а на волосатом предплечье картинка, изображающая мужчину и женщину. Они двигались, когда он шевелил рукой. Это был Мэйланд, бич, державший в повиновении всю команду.

— Откуда ты взялся? — спросил мой сосед, низенький человек с лицом как сушеный абрикос.

— С парусника «Гамбург».

— Думаю, работаешь за паршивое удостоверение?

Внезапно все подняли головы и уставились на меня. Я понял, к чему клонил перевозчик. Ясно, что человек, работающий за удостоверение мастера, не может быть популярен на борту.

— Да, — ответил я.

Все продолжали молча есть, но теперь я чувствовал враждебность.

Когда я выходил после обеда, бич схватил меня за руку.

— Слушай, ты, дерьмо, нам тут не нужна шишка на ровном месте. Мы все писаем в один горшок, понял? — Не дожидаясь ответа, он, башня из мяса и костей, оттолкнул меня.

Неделей позже с началом плавания началась и изнуряющая ежедневная рутина: вычистить и отбить ржавчину, отбить ржавчину и вычистить.

Когда мы заканчивали чистить корму, нос был уже снова грязный. Ржавчина появлялась везде: на трубе, на носу, на всех механизмах, как плесень на хлебе. Мы отбивали ее молотком и отскребали скребком. Потом терли проволочной щеткой, покрывали олифой, потом суриком, наконец, красили. Это продолжалось с утра до ночи: скрести, олифить, покрывать суриком, краской.

Вы чувствовали себя не моряком, а подсобным рабочим на огромном заводе, плывущем по морю. Но когда я должен был нести вахту у штурвала или сигнальщиком, я был счастлив. Это, по крайней мере, работа моряка.

Однажды я стоял на коленях перед трубой, счищая краску и толстый слой ржавчины, когда позади прозвучал голос Мэйланда:

— Задница трудится, а?

Я не хотел связываться с этим головорезом, ничего не сказал и продолжал работать.

— Не хочешь разговаривать? Ладно, но хорошенько выслушай меня. Ты можешь ползать перед подонками с мостика. Меня это не беспокоит. — Он сплюнул мне под ноги. — Лижи их задницы, если хочешь. Это твой способ получить проклятое удостоверение.

Я почувствовал, что кровь во мне закипела, но держал себя под контролем. Я повернулся и посмотрел на него. Он ухмыльнулся.

— Ну, — сказал я, — высказывайся. — Я встал с молотком в руках.

— Ты ходил в колледж, грязная скотина. И это вся разница между нами. Но ты злишь меня, и вот почему. — Он снова сплюнул. — Первый помощник сказал мне: «Прин работает лучше, чем ты. Пошевеливайся! Двигайся побыстрее!» Какая наглость! Хотел бы я видеть, как он сам это сделает. Прин то, Прин се, ах, ах. — Он опять плюнул на палубу.

Я промолчал, и он продолжал:

— Я работаю. Они не могут без таких, как я, а я не собираюсь надрывать кишки, хоть тебе, может, это и нравится.

Я решил побороть его грубость вежливостью:

— Теперь послушай меня. Легко злоупотреблять и обманывать. И откровенно говоря, Мэйланд, если ты делаешь меньше меня, ты обманываешь, потому что должен делать больше. Ты старше, опытнее, да и получаешь больше. Так не моя вина, если тебя начинают погонять.

Он опять сплюнул, тупо посмотрел на меня, повернулся и, ссутулившись, пошел, бормоча:

— Наглый козел. Хочет удостоверение. Я тебе дам такое удостоверение…

Плавание проходило без приключений, пока мы не подошли к Аду. Это название дано тропической части Южной Америки, где температура в тени поднимается до 40 градусов. Мы работали днем и ночью, разгружая и нагружая, иногда в четырех портах в день. Работали все, свободных не было. Я мало кого из команды видел, потому что в получасовой перерыв мы, как мешки,

валились в койки и спали не раздеваясь.

Однажды ночью в Сан-Антонио я был назначен на вахту у трюма, в то время как другие отправились на берег пить. Я был бы рад пойти с ними. Трюм был освещен ярким светом дуговых ламп. Коричневые грузчики, чьи спины блестели от пота, разгружали ящики с вином из Лексоза. Это были проворные плуты, и я должен был следить, чтобы они не скрылись в темноте с другими товарами. Трюм выглядел как склад самых разных товаров. Ватерклозеты и изображения святых, лезвия бритв и инструменты плотника — все перемешано вместе.

В полночь во время перерыва грузчики уселись внизу на набережной, а я пошел на палубу, где было спокойно и прохладно. Город поднимался на холме, мерцая тысячами огней. Он выглядел как искрящаяся волна, простирающаяся до возвышающихся Анд.

Шум возвращающейся команды донесся с набережной. Все они хорошо набрались и покачивались на шторм-трапе, поднимаясь на палубу. Бич Мэйланд шел впереди. Наклонившись ко мне, он ядовито спросил:

— Снова на вахте? Снова лижешь задницы? Ты сопливый подонок!

— Сам подонок, — ответил я.

Минуту он колебался, глядя как полоумный.

— Что ты сказал? — прорычал он.

— То же, что и ты.

Он глубоко вдохнул. Мы стояли лицом к лицу, остальные окружили нас враждебным кольцом. В смутном свете палубных ламп я не различал их лиц. С носа приближался третий помощник.

— Приходи на корму, я выколочу из тебя дурь, выпущу кишки, — пробормотал Мэйланд, поворачиваясь, чтобы уйти. Остальные пошли за ним.

Я знал, что рано или поздно придется подраться, и решил, что приму его вызов здесь и сейчас. Когда я пришел на корму, я вынужден был прокладывать себе дорогу, как боксер, идущий на ринг. Люди стояли в тесном проходе между столовой и палубой, которая, по-видимому, была оставлена для зрителей, чтобы они могли видеть через открытую дверь кубрика. В кубрике было только два человека: на койке спал Мартенс, а в середине стоял бич, играя мышцами. Я подошел к койке, снял куртку, повесил на вешалку. Затем мы повернулись друг к другу.

— Сто девяносто фунтов веса против ста тридцати.

— Задай ему! — провизжал юнга.

Остальные молчали. Я принял боевую позицию, помахал

руками и, пританцовывая, пошел к нему. Он стоял как глыба.

Кулаки, тяжелые, как молоты, небрежно опущены. Он показывал, что не боится меня.

— Иди, иди, подонок! — насмехался он.

Я сделал выпад и ударил его правой в подбородок, но промахнулся. Тряхнув головой два или три раза, как бы прочищая уши от воды, Мэйланд медленно пошел на меня. Между койками и стеной места для движения было мало. Он широко размахнулся. Я откачнулся, но его удар пришелся мне по уху. Я ощутил резкую боль и почувствовал, что по шее течет кровь.

Теперь Мэйланд шел ко мне с вытянутыми руками, стараясь захватить меня. Я понимал, что, если он сожмет меня руками, все сразу кончится. Я отпрыгнул, схватил его правый палец и изо всех сил потянул назад. Он со стоном упал на колени.

— Пусти, вонючий подонок.

Я усилил давление. Я знал, что он убьет меня, если я его выпущу.

Капли пота выступили на его лбу.

— Пусти, ради бога! — завизжал он.

Я давил так сильно, как мог. Послышался треск. Палец был сломан.

— Боже всемогущий! — Потом более покорно, совсем другим голосом: — Пусти, ради бога, Прин!

Я отпустил и осторожно отступил на несколько шагов. Он остался сидеть на полу, сжимая сломанный палец. Как большинство физически сильных людей, он не умел выносить боль, принимая наказание.

Зрители вошли в кубрик и молча направились к своим койкам.

Я подошел к шкафчику и посмотрел в зеркало внутри его. Мое ухо почти оторвалось от его удара. Я прижал к нему носовой платок и пошел к вахтенному офицеру, чтобы он оказал помощь.

— Как тебя угораздило? — спросил третий помощник.

— Ящик упал, — ответил я.

Пришел бич, держа свой сломанный палец.

— Я упал, — хрипло сказал он.

Третий ухмыльнулся:

— Как вам это понравится? На Прина падает ящик и отрывает ухо, а ты падаешь и ломаешь палец. Вы бы придумали историю получше к завтрашнему утру. Если вы расскажете капитану эту, он повесит вас обоих.

Когда я вернулся с перевязанной головой, меня встретило враждебное молчание. Я притворился, что ничего не заметил, и переоделся.

Через десять минут пришел Мэйланд. Его перевязанный палец торчал как свеча.

— Прин не донес, — сказал он, и после этих слов воцарился мир.

Следующие несколько дней мы обращались друг с другом с утонченной вежливостью.

Однако через четырнадцать дней в Талтале он с двумя другими матросами покинул корабль. Страсть к бродяжничеству снова захватила его. Этому желанию ни один бич не может сопротивляться. Он хотел отправиться в Диамантино, и отправился, но при этом терял весь свой заработок.

Хотя с тех пор меня никто не задевал, популярности мне это не прибавило. Я все равно оставался «человеком, работающим за удостоверение». Но я побил Мэйланда, и все уважали меня за это.

Глава 5
В морском суде

В дверь постучали.

— Мистер Прин, мистер Бусслер просит вас на мостик, — сказал стюард.

Я выпрыгнул из койки и пошел к умывальнику.

Через окно я мог видеть часть прогулочной палубы «Сан-Франциско», а дальше — оживленную гавань Гамбурга. Светило солнце, все казалось ярким, радостным. В каюте было удобно: большое зеркало, обтянутый кретоном диван, широкая постель с множеством выдвижных ящиков внизу — все обещало приятную жизнь на борту. Я надел новую форму с узким золотым кольцом на рукаве и поправил фуражку перед зеркалом.

Я был четвертым помощником на «Сан-Франциско». С моим удостоверением помощника и сертификатом радиста в кармане я преодолел нижние ступени лестницы, ведущей к успеху. Я кивнул себе в зеркале и вышел.

Первый помощник приветствовал меня на мостике:

— Пожалуйста, мистер Прин, подойдите к офицеру американской иммиграционной службы и проводите пассажиров на корабль.

Я откозырял и вышел. У причала я взял такси.

Деревянный домишко иммиграционной службы был набит, как железнодорожный вокзал. Группами толпились мужчины, женщины, дети. Носильщики кричали, и то тут, то там через толпу проталкивались врачи в белых халатах. Я впервые сталкивался с пассажирами. Они сгрудились вокруг меня, как мухи вокруг потной лошади, и засыпали глупыми вопросами. Одна пожилая леди с блестящими глазами интересовалась, будут ли танцы на корабле и позволено ли морякам танцевать. Сильно надушенный джентльмен желал знать, приняты ли меры предосторожности на случай крушения.

Наконец я усадил всех в автобус, и мы поехали в гавань. На борту я передал болтающую толпу стюардам и пошел доложить на мостик. Там я увидел третьего помощника, которого еще не встречал. Мы познакомились. Его фамилия Шварцер.

— Благополучно доставили пассажиров, мистер Прин? — поинтересовался он. — Они очаровательны. Обратите внимание на женщин. В море они все, кажется, очень нуждаются в поддержке. У меня было несколько случаев.

Я был несколько удивлен этими словами, потому что

вздернутый нос и огромные уши Шварцера не выглядели особенно сексуально.

На мостике появился маленький толстенький человек. Он был очень элегантен в темном пальто и шляпе. Капитан, понял я. Шварцер встал по стойке «смирно». Я представился. Окинув меня коротким испытующим взглядом маленьких серых глаз, он пробормотал:

— Благодарю, мистер Прин, — и отправился в свою каюту.

— Он еще погоняет нас, — спокойно сказал Шварцер. — Ориентироваться по звездам, заполнять вахтенный журнал, следить за багажом, нести вахту и все прочее… Скажу вам, у нас собачья жизнь.

Бок о бок мы ходили по мостику. Одетые в теплые пальто пассажиры стояли на палубе и смотрели на нас. Время от времени поглядывая на них, мы чувствовали себя на вершине мира. Ему было двадцать три, мне двадцать один.

Мы покинули Гамбург 11 марта. Была холодная серая ночь, пошел снег. Снег начался как раз тогда, когда я принял собачью вахту в четыре часа, и скоро стал таким густым, что я едва мог различать вытянутую руку. Мы шли по Везеру и были примерно на высоте маяка в Хохвеге. «Сан-Франциско» двигался со средней скоростью, и туманный горн звучал через короткие интервалы.

Бусслер стоял на мостике рядом с лоцманом, решая, бросать якорь или нет. Если пурга усилится, надо решить, вставать ли на якорь. Но в любом случае следует подготовиться.

— Мистер Прин, найдите плотника и очистите якорь, — приказал первый.

Я побежал вниз. Палуба была пуста и темна, не горело ни одного огонька. Регулярно звучал туманный горн. Я забарабанил в дверь обоими кулаками, вызывая плотника. Через некоторое время он появился с фонарем в руках, качаясь от усталости.

Мы пошли к якорю правого борта. Плотник включил фонарь, и я наклонился. Внезапно прямо перед нами я увидел огромную стену белого света. Повернувшись, я закричал как можно громче:

— Свет прямо впереди!

Не знаю, услышали ли меня на мостике, так как горн теперь звучал непрерывно. Свет быстро приближался. Он был уже в пятистах футах, и времени добраться до мостика не хватало.

Я снова закричал изо всех сил:

— Свет прямо впереди!

Передо мной двигалась темная тень. Сигнальщик.

— Беги, — закричал я ему, — буди всех и выводи наверх!

Он скрылся как молния.

С мостика послышался голос Бусслера:

— Право на борт!

Затем послышался резкий пронзительный свист пара. Но свет устойчиво оставался прямо на нашем курсе. Сквозь капюшон я мог слышать крик сигнальщика:

— Все из коек выбирайтесь, если хотите остаться в живых.

В следующий момент огромная черная стена встала, как башня, передо мной. Свирепый удар бросил меня на палубу под грохот железа. Корабль развернулся на правый борт. С мостика донеслись слова команды:

— Стоп обе машины. Обе машины полный назад. Полный на левый борт.

«Сан-Франциско» неуклюже повернулся и заскользил вдоль высоких бортов другого корабля. Около сотни светящихся окон сияло над нами. Затем корабль исчез в тумане, как видение.

Я побежал вниз проверить, есть ли повреждения. Одно из помещений было разорвано, канатный люк поврежден. Сквозь разорванные стальные плиты продувал ветер. Чудо, что никто не пострадал.

Когда я поднялся на нос, якорь правого борта с грохотом шел вниз. Я побежал на мостик. Двери кают распахивались, и появлялись взволнованные пассажиры. Истеричный женский голос кричал:

— Помогите! Артур, мы тонем!

И глубокий бас отвечал:

— Не беспокойся, моя сладкая, я умею плавать.

Капитан стоял в штурманской рубке. Он только что встал с постели, и было ясно, что он болен, голова его горела от температуры.

— Вы не видели этот корабль раньше? — бросил он мне.

— Нет, сэр.

— Вы видели, как он называется?

— Нет, сэр.

Он проглотил проклятие. Первый офицер повернулся ко мне:

— Вы видели повреждения?

— Все выше ватерлинии.

Отойдя к окну, капитан барабанил пальцами по раме.

— Что-то он видел, — пробормотал он.

— Мистер Прин, постарайтесь выяснить название этого судна, — приказал первый.

Я козырнул. Первый ответил, но капитан игнорировал меня.

В рубке радиста я склонился над ключом Морзе. Я посылал сигнал за сигналом: «Вызываю все корабли. Я „Сан-Франциско“. Попал в столкновение около Хохвега. Сообщите название другого корабля». Сначала никакого ответа. Потом слабое жужжание:

«Говорит спасательное судно. Готов покинуть Бремерхавен на полной скорости. Вам нужна помощь?» — «Помощь не нужна», — ответил я. Эти морские хищники приспособились подавать буксир, а потом брать половину стоимости корабля себе в карман «за спасение». Я ждал.

Наконец пришел сигнал парохода «Карлсруэ»: «Столкнулся с вами. Держитесь». Долгая пауза. Я ждал, полный опасений, хотя и надеялся, что ничего серьезного не случилось. Старик, конечно, разозлился на меня, но я не мог понять почему. Затем опять пришел сигнал: «Сан-Франциско». Помощь не требуется. «Карлсруэ». Слава богу!

Я сорвал наушники, подпрыгнул и побежал докладывать капитану. К этому времени все пассажиры вышли из кают. В мехах и теплых пальто они стояли на палубе. Один из них остановил меня. Это был тот человек, который расспрашивал меня о мерах предосторожности.

— Вы четвертый помощник? — спросил он. — Позвольте сказать вам кое-что. Я все слышал, молодой человек. Все. Это совершенно невероятная и возмутительная вещь, что случилось. — Его голос становился все громче и взволнованней. Толпа собиралась вокруг. — Вы приказали разбудить команду, — повернулся он к остальным. — Вы знаете, что он сказал? Он сказал: «Вставайте все, если вам дорога жизнь». Вот что он сказал.

— Извините, но этого я не говорил.

— А, вы называете меня лжецом? Подумайте, леди и джентльмены, команду будят, когда корабль в опасности. А мы, пассажиры, можем просто тонуть, их это не беспокоит.

Некоторые пассажиры пробормотали свое неодобрение и негодование. Толстый человек был в восторге, что нашел публику. Позже я узнал, что он был оперным певцом.

— Должен сказать, это были странные приказы. Полагаю, вы знаете, молодой человек, что офицер должен держаться до конца и что обязанность капитана идти ко дну вместе с кораблем.

Больше всего мне хотелось стукнуть его по дрожащему, как пудинг, лицу. Но пассажир — гость на корабле, поэтому я сказал:

— Если вы считаете, что у вас есть основания для жалобы, сэр, поговорите, пожалуйста, с капитаном.

Оставив его стоять, я пошел на мостик.

— Разрешите доложить, сэр. Название корабля, с которым мы столкнулись, «Карлсруэ». К счастью, кораблю не требуется помощь.

Капитан медленно повернул ко мне голову и спросил:

— Что вы имеете в виду, говоря «к счастью»? Вы довольны, не так ли? Если бы вы смотрели как следует, ничего подобного не

случилось бы.

— Не вижу, в чем я виноват, сэр.

Он с минуту смотрел на меня, потом повернулся и пошел к двери. Но еще раз обернулся ко мне.

— Вину определит морской суд, — сказал он, захлопывая за собой дверь.

Я почувствовал себя так, будто по голове ударили молотком. Я повернулся к первому, стоявшему рядом:

— Вы думаете, это пойдет в морской суд, сэр?

Он пожал плечами:

— Возможно.

— А что тогда?

— Не беспокойтесь, — сказал он горько, — джентльмены за зеленым столом всегда найдут козла отпущения. Почти такой же случай был у меня в Мексиканском заливе. Однажды ночью мимо проходил плот, знаете, такая огромная штука из бревен, которые идут по Миссисипи. Она треснула, застонала и прошла мимо. На следующее утро сказали, что это мы устроили крушение. Предполагалось, что люди на борту кричали о помощи. Пять или шесть пассажиров в то же время сообщили, что они это слышали. Если бы не кочегар, проводивший свободное время у поручней и поклявшийся, что это был действительно плот, была бы хорошая заварушка.

У меня горло пересохло.

— Положим, меня сочтут виновным, что мне будет?

— Откуда я знаю? — нетерпеливо сказал он. — В худшем случае потеряете свое удостоверение.

Больше мы не говорили, но стояли рядом бок о бок, глядя вперед в черную беззвездную ночь. Потерять удостоверение — это конец. Вынести всю тяжелую работу все эти годы, а потом остаться без документов — это даже меньше, чем быть обычным матросом. Эта мысль преследовала меня.

На рассвете следующего дня мы подняли якорь и пришли в Бремерхавен около восьми часов. В конце моей вахты, когда я шел по палубе в свою каюту, я встречал враждебные взгляды некоторых пассажиров, а маленькая девочка подошла ко мне и серьезно спросила:

— Ты сейчас пойдешь в тюрьму?

Эксперты проверили повреждения и оценили их в тридцать пять тысяч марок. После ремонта мы продолжали плавание.

Для меня это плавание было неприятным. Капитан избегал говорить со мной. Он обращался ко мне с холодным пренебрежением, что ранило сильнее, чем громкие упреки. Поэтому я удивился, когда однажды ночью он вызвал меня на

мостик. Мы были недалеко от Сан-Франциско. Корабль окружал такой туман, что казалось, мы плывем в мокрой вате.

Капитан был в штурманской рубке. Он выглядел озабоченным, как крестьянин, озирающий свои высыхающие поля.

— Вы можете взять радиопеленг?

— Да, сэр!

— Так возьмите.

Я пошел на мостик и взял пеленг. Туманный горн «Сан-Франциско» звучал с короткими интервалами, но из белой стены перед нами не приходило никакого ответа, хотя мы находились на главном пути к западному побережью. Вернувшись в штурманскую рубку, я записал пеленги.

Капитан смотрел мне через плечо.

— Это все вздор, — коротко сказал он. — Мы вот здесь. — И указал пальцем на место, лежавшее дальше к западу.

Я ничего не ответил.

— Идите, Прин, и получите пеленг с берега.

«Ладно, — сказал я себе. — Если ты не доверяешь мне, пусть тебе подтвердит кто-то другой».

В радиорубке я попросил ближайшую береговую станцию дать мне мои координаты. Новые данные указывали даже дальше к востоку, чем полученные мной.

Капитан ждал в штурманской рубке. Когда я доложил, он нахмурился:

— Вы совсем с ума сошли? Любой, у кого есть капля ума, поймет, что это неверно. Ваш пеленг неправильный. Возьмите новый.

Я взял новый пеленг. Эта позиция точно соответствовала первому пеленгу, который я взял. Капитан ничего не сказал. Он вышагивал взад и вперед по рубке, держа руки за спиной. Наконец он решился:

— Я пойду в соответствии с береговым пеленгом.

— Тогда мы сядем на мель в течение двух часов, — ответил я.

Он остановился:

— Если я пойду вашим курсом, я упущу лоцманский корабль и все равно сяду на мель.

Я знал, что мне нечего терять.

— Сэр, я предлагаю сначала идти в соответствии с моим пеленгом, а потом можно скорректировать его с береговым.

Он уставился на меня, как злобный бульдог.

— Ладно, но, если мы сядем на мель, берегитесь. Я добьюсь, чтобы морской суд лишил вас всего. — Он повернулся на каблуках и ушел.

Я остался один в штурманской рубке. Снаружи туман был как

стена, никто не отвечал на мой сигнал. Внутри я чувствовал какое-то странное ощущение: я боялся, что получу свое, если все обернется не так. Я хорошо понимал, что капитан выполнит свою угрозу, и обливался холодным потом. Через полчаса я докладывал капитану:

— Пора менять курс, сэр.

Он вошел.

— Новый курс сорок два градуса.

— Хорошо, пусть сорок два, — ответил он, не глядя на меня. И снова ушел.

Если мой пеленг правильный, мы должны быть совсем близко от берега и в любой момент можно ожидать катер лоцмана. Но ничего не было видно, только ночь и туман. Вахтенный офицер просунул голову в дверь.

— Сигнальщик докладывает: пять коротких гудков впереди, — произнес он тихо, чтобы не заглушить сигнал.

Я вышел к нему на мостик. Мы внимательно вслушивались и услышали слева впереди еще слабый сигнал на расстоянии. В десяти шагах от нас стоял без движения капитан, темная статуя в тумане.

— Сэр, катер лоцмана впереди, — прошептал я. Мой голос немного дрожал: это был мой лучший момент на борту «Сан-Франциско».

— Думаете, я глухой? — ответил он. — Я слышу его уже довольно долго.

Я вернулся в штурманскую рубку. Капитан шел за мной.

— Спуститесь и примите лоцмана. — А затем, когда я уже выходил, он добавил, почти нехотя: — Ладно, вы все сделали правильно.

Это была наивысшая похвала, которую я от него слышал.

С этих пор все для меня стало гораздо приятнее. На обратном пути он отпускал меня с мостика, когда мы были еще в сотне миль от берега. Я был освобожден от всех обязанностей. Мне предложили смотреть на все проще, так как я понадоблюсь в непредвиденных случаях или если потребуется радиопеленг.

Но все это время я опасался расследования в морском суде. Правда, Бусслер думал, что расследования не будет совсем, потому что никто не пострадал. Мы прибыли в Гамбург. Я просмотрел почту. Никакой повестки не было. Не получили их и капитан и первый помощник. Я вздохнул более свободно. Однако вечером капитан Шумахер из компании прибыл на борт. Он некоторое время оставался в каюте с капитаном, а когда они вышли, капитан, проходя мимо, сказал:

— Расследование в морском суде через три дня, Прин.

В эту ночь я стоял на вахте. Это хорошо, потому что я все равно не смог бы заснуть.

В девять часов на борт пришел старый шкипер, старик с лысой головой и белой как снег бородой. Я приказал подать грог и несколько сандвичей с ветчиной для него. Он рассказывал о былых днях, о том, как двадцать лет командовал кораблем в два раза большим, чем наш. А теперь он старый, работы нет, его отправили на пенсию, на сто восемьдесят марок в месяц. Он спросил, нельзя ли ему взять несколько сандвичей для жены, и, когда я разрешил, бережно завернул их и убрал в карман со смущенной улыбкой. Я отвернулся. Вот за чем он приходил. А что будет со мной?

Три дня спустя в морском суде началось расследование.

— Теперь они разорвут нас на клочки, — заметил Бусслер.

Мы стояли в темном длинном коридоре здания морского суда в Бремерхавене, капитан, первый помощник, я и несколько человек из команды. Капитан «Карлсруэ» со свитой прибыл немного позже и обменялся с нами вежливыми приветствиями. Мы стояли в темном проходе перед коричневой дверью, ведшей в комнату суда. Люди с «Карлсруэ» столпились у окна.

— Не волнуйся, Прин, не отберут они твое удостоверение, — успокаивающе сказал Бусслер.

Худой пожилой человек с острой бородой прошел мимо. Все откозыряли. Он холодно принял приветствие и скрылся в комнате суда.

— Это государственный представитель, — объяснил капитан. — Что-то вроде обвинителя от государства.

За ним прошли несколько веселых краснолицых людей с портфелями. Один из них приветливо кивнул нам.

— А это эксперты-оценщики, — пояснил капитан. — Все из Бремена.

— Не очень хорошо для нас, гамбургцев, — задумчиво произнес Бусслер.

Наконец, маленький человек в черном костюме юркнул в комнату суда, как крот в норку. Судейский пристав пригласил нас войти.

Мы вошли в длинный мрачный зал. За столом сидели председатель и эксперты. Слева помещался государственный обвинитель. Мы шагнули к столу и протянули документы клерку.

— Надеюсь, мы увидим их снова, — прошептал Бусслер.

Нам предложили сесть.

Председатель суда открыл заседание, прочитав описание происшедшего. Затем вызвали капитана «Карлсруэ» как первого

свидетеля. Тот самоуверенно заявил, что «Карлсруэ» стоял на якоре из-за погоды и поломки двигателя. Он сделал все необходимое. Корабельный колокол звонил с короткими интервалами, а когда нас заметили, он включил сирену. Поклонившись суду, он вернулся на место. Он произвел прекрасное впечатление. Потом была очередь нашего капитана. Он объяснил, что ничего не мог видеть, так как в момент столкновения лежал в постели с температурой.

— В этом случае, — спросил обвинитель, — можете ли вы указать, кому вы поручили заменить вас?

— Я не знал заранее, что у меня будет грипп, — хрипло ответил капитан и сел.

Первый раунд был за «Карлсруэ».

На место свидетеля вызвали Бусслера. С ним обходились жестоко. Почему он не встал на якорь, когда погода портилась? Он ответил, что невозможно встать на якорь, находясь на пути кораблей. Спросили, почему не двигался медленнее. Он пояснил, что шел со средней скоростью.

— Средняя скорость оказалась слишком быстрой, — заявил обвинитель. — Вы должны были идти медленнее.

Бусслер промолчал.

— Что вы делали потом?

— Я послал четвертого помощника очистить якорь.

— Кто четвертый помощник?

Я встал.

— Значит, вы были с мистером Бусслером на мостике? — спросил обвинитель, подчеркивая каждое слово ударом ручки по столу.

— Да, сэр.

— Сколько было времени?

— Почти четыре.

— Сколько минут до четырех?

Это была ловушка. Я инстинктивно чувствовал это, но напрасно пытался угадать, к чему он клонит.

— Три-четыре минуты, — ответил я, колеблясь.

Он повернулся к лоцману:

— Но вы говорили, что была очень темная ночь, небо затянуто, шел снег.

Лоцман кивнул. Обвинитель снова повернулся ко мне. Очки его блеснули.

— В соответствии с моим морским опытом, я думаю, вам нужно по меньшей мере семь-восемь минут, чтобы глаза привыкли к темноте. Неудивительно, что вы не могли всего увидеть.

— Но я видел.

Вмешался эксперт:

— Прошу прощения, комиссар, но, когда вы были моложе, ваши глаза привыкали к темноте быстрее.

Я глазами поблагодарил его, а обвинитель сделал такое лицо, словно откусил перец.

— Ладно, — неохотно сказал он, — оставим это на время. — Он снова повернулся к Бусслеру: — Когда вы действительно впервые увидели «Карлсруэ»?

— Четвертый офицер доложил мне о нем.

— А, да, и что вы увидели, мистер Прин?

— Я заметил высоко горящий белый огонь.

— Ну а теперь расскажите нам, как все произошло. Вы получили приказ очистить якорь. Что вы стали делать?

— Я побежал вперед и вызвал плотника, — сказал я, тщательно взвешивая каждое слово, — и мы вместе пошли к кабестану.

— Поэтому вы были непосредственно заняты якорем?

— Да, сэр.

С триумфальным блеском в глазах он сделал заключение:

— Полагаю, вам не пришло в голову сначала осмотреться?

Мне нечего было сказать. Внезапно вспыхнул капитан.

— К чему все эти глупые вопросы? Первый помощник приказал очистить якорь, и поэтому первое, что он должен делать, — очистить, и все. На моем корабле люди выполняют приказы, и все! — К концу его голос стал громче, и председатель позвонил в колокольчик.

— Я должен просить вас…

Все равно я почувствовал, что этот раунд наш. Затем Бусслер должен был отчитаться в своих действиях после столкновения. Он сделал это очень хорошо, подробно описав каждое одно за другим, хотя обвинитель старался сбить его с толку вопросами.

Заседание подошло к концу, суд удалился. Мы ходили взад и вперед по коридору.

— Как вы думаете, что будет? — спросил я капитана.

— Как выпадет жребий.

Наконец нас снова позвали в комнату суда. Судья зачитал решение. Виновата только погода. Все остальные невиновны.

Как будто груз упал с моей души. Когда мы вместе шли вниз по лестнице, Бусслер спросил, что теперь я собираюсь делать. Я твердо ответил:

— Теперь я собираюсь учиться, чтобы получить патент капитана.

Глава 6
Без работы

К концу января 1932 года я сдал экзамены и получил патент капитана. Я думал, что стоит преодолеть последний барьер, а дальше все пойдет автоматически. Вместо этого пришла безработица.

После того как экзаменатор пожал мне руку, я схватил такси и отправился искать работу. Я обращался всюду, но везде было одно и то же. Все с сожалением пожимали плечами и вздыхали.

— Плохие времена! — говорили они и в лучшем случае неопределенно обещали: — Оставьте ваше имя, если что-нибудь будет, дадим вам знать.

Я оставался в Гамбурге, потому что не хотел упускать малейший шанс, и жил на свои сбережения. Наконец, поскольку работа не находилась, я решил стать писателем. Купил сто листов белой бумаги, англо-немецкий словарь и начал переводить «Чайный клипер», одну из лучших книг о парусных кораблях. Но когда я дошел до пятидесятой страницы, остался без денег и без угля.

Мой старый приятель еще со времен «Гамбурга», Гарри Стовер, помогал мне как мог. Он приобрел «Звезду Давида» и говорил мне:

— Можешь есть и пить сколько захочешь. Я знаю, капитан Прин заплатит.

Его доверие трогало, но я чувствовал, что дальше так продолжаться не может. Однажды вечером я пошел на вокзал и купил билет на ночной поезд домой, к маме.

Я приехал в Лейпциг серым февральским утром. Когда я поднимался по лестнице, сердце мое сильно билось: нелегко для собственной гордости возвращаться домой после восьми лет отсутствия без денег и без работы. Я позвонил в дверь. Мама открыла.

— Мой мальчик, — сказала она и потянула меня в темный зал.

За последние годы она поседела. Потом мы пошли в ее рабочую комнату. Везде, на стульях и на столе, лежали модели и образцы для витрин магазинов: сосиски и ветчина, сделанные из дерева. Я удивленно посмотрел на нее. Она улыбнулась:

— Я знаю, ты будешь смеяться над моими картинками, но теперь я действительно рисую ветчину.

Она приготовила завтрак. Потом я лежал на диване и изучал

газеты, особенно колонку вакансий. Все было безнадежно. Вакансий почти не было, но были тысячи заявлений с просьбой о работе. Постепенно я почувствовал, что могу лежать здесь безработным много дней, недель, а возможно, и лет. Я вздрогнул и сел. Конечно, у меня есть друзья, школьные товарищи, сыновья преуспевающих людей. Ведь где-то должно быть что-то, что я могу делать. Должна быть работа, надо только найти ее. В конце концов, я здоровый, сильный и не совсем глупый. Я вскочил:

— Пока, мама.

Началась охота за работой. Из дома в дом, из конторы в контору. Всегда одно и то же. Многие были вырваны из привычного образа жизни. Они вынуждены были отказаться от учебы и искали пусть и ненадежное, но все-таки какое-то место в жизни, чтобы как-то существовать, а найдя его, ужасались при мысли потерять его и потонуть в трясине безработицы. Многим, слишком многим было так же плохо, как и мне. Они ходили вокруг, стучались в двери, которые всегда были закрыты, и продолжали надеяться на чудо. Чудо называлось работой.

На третий день моих блужданий я встретил Хинкельхауза. Он изучал законы, но не закончил курса, так как деньги кончились. Но он не был побежден. Он открыл бюро по правовым советам.

— Если хочешь, можешь стать менеджером, — предложил он. — Только пока я не могу платить тебе. Если ты обеспечишь нас работой, получишь половину.

Я согласился.

Контора помещалась на Эйзенбанштрассе. Это была маленькая голая комната с двумя столами и пятью стульями и табличкой на двери: «Эрнст Хинкельхауз, советник юстиции». Следующие восемь дней я регулярно каждое утро шел туда с пакетом сандвичей в кармане и возвращался поздно вечером. Кроме Хинкельхауза, никого в конторе я не видел. Мы долго обсуждали злые времена и неспособность правительства, которое позволяло огромной части населения погибать от голода. Эти дебаты возбуждали, но скоро я понял, что если так будет продолжаться, то к концу месяца моя половина доходов будет равна половине от нуля. Хинкельхауз решил искать клиентов, а я должен был следить за перепиской и за офисом. Я остался один в маленькой комнате, смотрел на серую улицу, на крыши и ждал. Ни один клиент не приходил. Спустя восемь дней бюро по правовым вопросам закрыло свои двери и больше никогда их не открывало.

Я снова оказался на улице. Мне оставалось только одно: обратиться к бюро помощи. Я пошел в старое здание на Георгенринг. Несколько человек уже ждали в серой грязной

комнате. Они выглядели совершенно опустошенными, как будто лишения истощили их, не оставив ничего, кроме оболочки. Каждый раз, как звонил колокольчик, один из них вставал и исчезал за дверью. Наконец настала моя очередь. Поправив костюм, я вошел. Маленький человек с волосами серыми, как зола, сидел за барьером и писал. Он посмотрел на меня поверх очков усталым и скучающим взглядом.

— Имя? Занятие? Дата рождения? — Ручка скрипела, перо медленно скользило по бумаге. — Почему приходите через столько времени?

— Потому что я прежде всего пытался найти работу.

— Ну, я так и думал, — заметил он, вручая мне карточку. — Получите первые деньги через три недели на Геллертштрассе.

— А что я должен делать до тех пор? — спросил я. Но он уже звонил, чтобы вошел следующий проситель.

В середине марта я пошел на Геллертштрассе. В восемь утра собралось множество народу. Длинная очередь подвигалась медленно, маленькими шажками. Эта процессия нищеты двигалась в странном ритме, навязанном шарканьем резиновых подошв. Моя очередь. Я положил в карман несколько монет и поспешно отошел. Очередь стала еще длиннее. Вид этих тупых лиц, едкий запах нищеты, бесконечное шарканье резиновых подошв оказалось самым угнетающим из всего, что мне пришлось испытать.

Я ушел. Теперь я снова в самом низу. Почему я должен выносить все это?! Годы на парусном флоте не были пикником, а теперь, когда я наконец получил патент, земля разверзается у меня под ногами. Жизнь кончена в двадцать четыре года! Почему? Если спросить кого-либо, он пожмет плечами и скажет: «Ну что поделать, нет работы, так бывает, мой мальчик». Проклятие, а как же люди в конторах, министры, лидеры партий и официальные лица? Разве это не их работа — сделать, чтобы жизнь изменилась к лучшему? Как могут они спокойно спать, если так много сильных и здоровых, жаждущих работы людей пропадают, как гнилая солома? Те несколько медяков, которые они бросают, могут только поддержать нас. Да и эти деньги они дают неохотно, просто потому, что боятся нашего отчаяния. Они тратят деньги на газеты, сочащиеся красивыми фразами и пустыми декларациями. Да, они могут спать, эти господа. Они прекрасно спят на мягких подушках, у них лозунг: живи и дай жить. Но реальность сорвала мишуру с их фраз, мы видим жизнь, как она есть, и мы видим их, каковы они на самом деле. Живи сам и дай умереть другим — вот подлинное значение лозунга наших вождей. Я был охвачен яростным негодованием против мягкого

лживого равнодушия. Я вступил в национал-социалистическую партию.

Глава 7
Трудовой корпус

Я записался в добровольный трудовой корпус. Чтобы быть уверенным, что меня примут, я написал руководителям сразу нескольких лагерей. Все они отказали, так как я был слишком стар в свои двадцать четыре года. Однако руководитель лагеря Фогтсберг Лампрехт решил дать мне возможность попробовать. «Если вы согласны стать рядовым добровольцем, — написал он, — можете приезжать».

Через три дня я отправился в лагерь. Путешествие было утомительным. В Плавне была получасовая остановка, и я прогулялся по маленькому городку с булыжными мостовыми и белыми деревянными домами. День был жарким и пыльным, листья уже пожухли. Я чувствовал себя угнетенным. Когда уходил в море, я испытывал радость, теперь же буду работать без энтузиазма. Конечно, любая работа лучше, чем сидение без дела. Но после того, как я душой и телом предался морю, на земле я оказался не в своей стихии.

В саду виллы я увидел красивую белокурую девушку в белом платье. Я знал, что нас разделяет нечто большее, чем садовый забор. Меня озарило вдохновение. Я поставил чемодан, перешел дорогу к цветочному магазину, купил букет роз и вошел прямо в сад, где сидела девушка. Кованые ворота скрипнули, когда я открыл их. Девушка подняла глаза. Я подошел к ней по лужайке, положил цветы ей в руки, наклонился и поцеловал ее. Ее рот открылся в немом изумлении. Я постоял минутку, глядя на нее, потом повернулся и ушел. За воротами я взял чемодан и не оглядываясь пошел по улице прямо на вокзал.

Днем я приехал в Олшниц. Трудовой лагерь размещался в замке, возвышавшемся над городом. Прежде это мрачное здание служило женской тюрьмой. Окна еще были зарешечены, а внутри камеры примыкали одна к другой, как пчелиные соты. Дежурный новел меня к коменданту лагеря. Мы прошли мимо многих дверей. Железные площадки гремели под нашими шагами. Дежурный постучал в дверь и открыл ее. Я оказался прямо перед комендантом Лампрехтом, высоким худощавым человеком с суровым лицом.

— А, это вы, Прин, — сказал он. — Молодой человек, который хочет начать как рядовой доброволец.

— Да, сэр.

Он протянул руку:

— Тогда приветствую вас как товарища, Прин. Идите к интенданту и подберите себе что-нибудь подходящее. Скажите, что вы назначены в группу «Хундсгрун». — Еще рукопожатие, и я оказался снаружи.

Я получил поношенную военную форму, потом мне показали койку и шкафчик. В спальне помещалось семьдесят человек. Это был широкий, хорошо освещенный зал, где раньше был рабочий цех для заключенных. Я разложил свои вещи и ждал. Группы еще работали и не вернутся до пяти часов. Я услышал их на расстоянии. Они с песней промаршировали во двор замка и с грохотом поднялись по лестнице в зал.

Увидев меня, они остановились. Маленький истощенный парнишка спросил:

— Это вы морской капитан?

— Да, а что?

— Мы давно слышали, что вы собираетесь приехать. — Он заикался и прятался за других.

Я осмотрелся. Почти все они были молодые ребята лет по девятнадцать — двадцать, ткачи с большой ковровой фабрики у вокзала. Большинство выглядели хилыми и истощенными. У всех был подавленный вид, как у людей, живущих в постоянном страхе за ежедневный хлеб. Они смотрели на меня с любопытством, но больше не задавали вопросов.

На следующее утро дежурство началось в пять тридцать. Группы выстроились во дворе и получили дневной рацион, состоявший из хлеба, масла, сосисок, сыра и фляжки тепловатой черной жидкости, которая считалась кофе и называлась «пот негра». После завтрака мы отправились к месту работы пешком или на грузовиках в зависимости от расстояния. Группа «Хундсгрун» должна была идти пешком, мы прошли через Олшниц и зашагали вдоль главной дороги в долину Элстер. Строительная площадка, на которой мы работали, лежала рядом с деревней Хундсгрун на длинной покатой лужайке, мягко спускавшейся к реке. Ниже мы могли слышать бормотание водяной мельницы, выше до вершины холма простирался лес.

Наша работа заключалась в осушении луга. Надо было нарезать куски дерна и выкапывать узкую канаву точно четыре с половиной фута глубины. С одиннадцати до одиннадцати тридцати мы делали перерыв, сидели на пнях на краю леса, жадно ели и болтали друг с другом. После обеда мы продолжили работу до двух тридцати и вернулись в замок.

В пять тридцать мы получили обед, оказавшийся единственной горячей пищей за день. После этого было свободное время, если комендант не решит провести часовое

учение. Так шел день за днем, и понемногу я начал привыкать к новой жизни. Скучными были только вечера и воскресенья. Перед окнами замка открывался широкий вид. Вершины Доуна густо заросли лесом и терялись в отдаленной голубоватой дымке. Было похоже на высокие зеленые волны, издали накатывавшие и застывающие. Я думал о море и испытывал ностальгию.

Однажды утром все ужасно разволновались. Исчез стюард лагеря. Все бегали по замку, кричали, звали его, но он не отвечал. Наконец мы пошли из камеры в камеру. За каждой открытой дверью нас встречал холод и запах плесени, поскольку большинство камер не использовались. Они оставались такими, какими были, когда замок еще служил тюрьмой.

Наконец мы нашли его в камере в левом крыле. Он лежал на топчане с газовой трубкой во рту. Чтобы ничто не помешало ему умереть, он заклеил ноздри и углы рта пластырем. Но умирать ему было трудно. Его правая рука схватила горло, как если бы в последний момент он хотел оторвать смерть от себя. Мы открыли дверь и окна и вынесли его наружу. Затем позвонили врачу и некоторое время делали искусственное дыхание. Все было напрасно. Он умер. Тело уже окоченело. Важным вопросом было, почему он это сделал? Кто-то предположил, что он растратил деньги. Но проверили книги и счета, все оказалось в порядке. Мы проверили его шкафчик. Там была пачка писем от девушки, последнее пришло три дня назад. Она писала: «Я жду уже четыре года и больше не могу ждать. Ты не можешь найти работу, а к тому времени, когда мы сможем пожениться, я стану старухой». Всегда одно и то же. Желание, нищета, отчаяние, а будущее серое и беспощадное. Надо быть очень выносливым, чтобы все это выдержать.

Сразу после обеда мне было приказано явиться к коменданту. Он стоял на железной площадке у камеры, перед ним руководители группы «Хундсгрун».

— Комрад Прин, — сказал Лампрехт, — примешь руководство седьмой партией.

— А что Резелер? — спросил я. — До сих пор он был руководителем.

— Я назначаю его стюардом.

Я щелкнул каблуками и ушел. Хорошо, что я начал продвигаться, но мое удовольствие омрачалось печалью. На утреннем построении официально объявили о моем назначении, и мы пошли на работу. Для меня жизнь не изменилась. Я все еще нарезал дерн и копал канавы.

Год проходил медленно, наш труд стал значительно тяжелее. Пришел октябрь с туманом и дождем. Мы барахтались в грязи и

не раз попадали под дождь на пути в замок, так что приходили мокрые до костей. Нас часто проверял начальник земельной комиссии, длинный тощий человек, настоящая конторская крыса. Он ходил туда и сюда, все критиковал и играл роль благодетеля, поскольку служба труда получала субсидии от местного казначейства. Однажды утром он прибыл в сопровождении толстого лысого человека, который оказался инспектором саксонского министерства внутренних дел. Они ходили по лугу с руководителем группы, задерживаясь то там, то тут и делая унижающие замечания. Я был уверен, что они не имеют ни малейшего представления о дренаже, особенно этот толстый из министерства. Он был бы не способен даже поднять кусок дерна. Все утро накрапывал дождь, но потом начал поливать всерьез. Плотное облако нависло над вершиной холма, дождь шел сплошной стеной.

По неписаному закону мы должны были продолжать работу под дождем, но, когда он лил как из ведра, мы прятались в избушке строителей на опушке леса. Инспектор и человек из министерства были уже там, но мы еще работали. Все смотрели на руководителя группы, но он не собирался отпускать нас. Люди начали роптать. Я бросил лопату и пошел к нему.

— Как долго вы хотите держать нас под дождем?

Он пожал плечами:

— Я ничего не могу сделать, пока здесь инспектор.

— Если у вас кишка тонка, почему бы вам не уйти, а я сделаю все за вас.

— А сделаешь?

— Конечно.

— Тогда я вручаю все вам, — сказал он с заметным облегчением.

Я подождал, пока он исчез в лесу, потом дунул в свисток. Люди побежали к хижине, я медленно пошел за ними.

Инспектор начал ругаться, как только я вошел:

— О чем вы думаете, распустив людей?

— Идет дождь, — ответил я.

Он глубоко вздохнул. В разговор вступил толстый из министерства:

— Где ваш руководитель?

— Пошел откладывать яйца.

Он в удивлении уставился на меня, потом сказал:

— Прикажите людям тотчас начать работу.

— Не имею ни малейшего намерения это делать.

— Я официально приказываю вам.

— Я получаю приказы от коменданта лагеря.

— Посмотрим, — сказал инспектор. — Ваша фамилия?

— Я начальник партии Прин.

Он вытащил блокнот и записал мою фамилию.

— Ну, теперь вы собираетесь приказать людям работать?

— Я уже указал — нет.

— Почему «нет»? — спросил толстый.

— Я отвечаю за здоровье людей.

Инспектор произнес:

— Довольно, — и повернулся к толстому: — Пойдем, незачем больше тут оставаться.

Они вышли в дождь и пошли, держась рядом, по лугу к шоссе, где их ждала машина из министерства.

Когда мы вернулись с работы, меня вызвали к коменданту лагеря. Толстый из министерства и тонкий инспектор сидели в комнате Лампрехта с видом лицемерной торжественности, как пара школьников, которые, прокравшись к учителю, ждут, чтобы увидеть наказание виновного.

— Объясните, пожалуйста, что случилось в «Хундсгруне», комрад Прин, — сурово сказал Лампрехт.

Я коротко описал ему события.

— Это верно? — спросил он у ожидающих.

Оба кивнули.

— Поскольку руководитель группы покинул нас в понедельник утром, я назначаю вас на его место, комрад Прин. Я совершенно согласен с тем, что вы сделали.

— Позор! — задохнулся чиновник из министерства, вставая. Инспектор тоже встал. — Вы пожалеете об этом, Лампрехт! — выкрикнул он, уходя.

Больше ничего не произошло. Через четыре недели Лампрехт уехал в отпуск и оставил меня своим заместителем.

Мое выдвижение руководителем группы оставило лагерь относительно спокойным, но последнее назначение привело многих в ярость. Старшие, бывшие в лагере больше двух лет, чувствовали себя особенно задетыми. Правда, они ничего не сказали, но, обращаясь ко мне, говорили в строго официальной манере. Я был слишком занят, чтобы беспокоиться об их чувствах. Утром я справлялся с канцелярской работой, остаток дня торопился на мотоцикле от одной строительной площадки к другой.

Как-то вечером мне позвонил мельник, владевший расположенной неподалеку от Хундсгруна мельницей. У него украли ветчину, и, вероятно, совершил кражу один из группы, работающей там.

— Когда вы обнаружили кражу?

— Три дня назад.

Я пообещал разобраться и повесил трубку. Чертовски неудобно. Если ветчину украли три дня назад, теперь она наверняка съедена. Самое лучшее — удастся обнаружить кости. В этих обстоятельствах построение вряд ли могло помочь. Вечером, когда выключили свет, я устроил обыск в шкафчиках. Я шел с фонарем от шкафчика к шкафчику, от кровати к кровати. Ветчина обнаружилась под соломенным матрасом у мальчика из Дрездена. Она была совершенно не тронута, не отрезано ни единого кусочка. Я приказал начальникам группы и отряда явиться ко мне вместе с мальчиком, маленьким, бледным, с торчащими ушами. В его черных глазах таился ужас побитой собаки.

— Ты взял ветчину с мельницы?

Долгая пауза, потом почти неслышно:

— Да, сэр.

— Почему?

Молчание. Я подошел к нему:

— Почему ты украл?

Он стал плакать. Он плакал молча, только лицо морщилось и слезы катились из глаз. Он ничего не говорил.

— Почему ты не отвечаешь?

Он раз или два попытался что-то сказать, но захлебнулся рыданиями и замолчал окончательно. Было ясно, что от него ничего не добиться.

— Ладно, — сказал я. — Ветчина останется здесь, а ты покинешь лагерь завтра утром. Уйдешь первым, ты понимаешь. Не надо присутствовать на построении.

Он щелкнул каблуками, стоя смирно. Слезы все еще катились по его лицу.

— Вот уж на кого не мог подумать, — сказал начальник группы, когда мальчик ушел.

После ухода обоих руководителей я лег на койку и стал обдумывать случившееся. Какая досада, что все произошло во время моего командования. В дверь постучали.

— Войдите.

Мантей, один из старших работников, стоял в дверях. В мерцающем свете свечи его лицо выглядело суровым, почти злым.

— Я хотел поговорить с вами, комрад Прин.

Я сел.

— Прошу.

— Я пришел насчет парня, укравшего ветчину, — сказал он.

— А какое отношение это имеет к вам? И почему он сам не

пришел?

— Он ревет, — коротко ответил он.

Мантей был один из старших здесь, ему почти исполнилось двадцать три, шахтер из Рура. Социалист, один из лучших работников и хороший товарищ.

— Он сказал, что вы приказали ему уехать, — продолжал он, — а я хочу просить вас позволить ему остаться.

— Я не могу, мальчик — вор.

— Он украл ветчину, — резко ответил Мантей, — потому что ему нужны деньги, его мать больна, и он хотел послать ей хоть немного.

— Вы сами верите этому?

— Да, — ответил он убежденно.

Честно говоря, я тоже верил. Этот несчастный ревущий негодяй не был обычным вором. Уж настолько я мог понимать людей. И то, что Мантей просил за него, было хорошим признаком. Но должна быть дисциплина. Я не мог допустить это, как бы мне ни хотелось.

— Послушай, — сказал я как можно дружелюбнее, — ты должен знать, что если я оставлю все как есть, то каждый сукин сын придет и скажет: «Вы закрыли глаза в тот раз, когда украли ветчину, почему вы не делаете это и для меня?» И что тогда? Нет, парень должен быть наказан, а кроме того, представь, какое впечатление произведет, если люди станут говорить, что добровольный трудовой корпус — банда воров?

— Мне наплевать, что будут говорить где-то, — грубо сказал он. — Вы, кажется, не хотите понять, какое впечатление это произведет на мальчика. Когда бедный парнишка вернется домой к больной матери и безработному отцу и скажет, что его выгнали, потому что он вор, ему будет нелегко справиться с этим, можете быть уверены.

Я встал. Мы были одного роста и смотрели друг другу прямо в глаза.

— Довольно, — сказал я. — Я решил, вопрос закрыт. А теперь идите спать.

Он с минуту постоял со сжатыми губами, потом повернулся и вышел. Я снова остался один. В первый раз я осознал дилемму: с одной стороны — судьба личности, с другой — благополучие общества. Я решил в пользу второго, и я знал, что так буду решать всегда, как бы трудно это ни было.

Его не было на утреннем построении, и, насколько я мог понять, он ушел до начала работ. Я заметил, что люди в колоннах выглядят недовольными, но ничего не сказал. Я надеялся, что в конце концов все обойдется. Я еще не набрался достаточно опыта

руководства людьми и не знал, что любое противостояние должно пресекаться сразу, чтобы оно не затянуло вас, как болото.

Когда вечером работники вернулись, их ожидала горячая еда. Я вошел в столовую, когда все сидели за столом.

— Добрый вечер, — сказал я.

Никто не ответил. Они тихо и в то же время лихорадочно разговаривали между собой, наклонившись друг к другу. Внезапно послышался короткий смех. Хриплый голос в конце стола громко произнес:

— Мы посолим для него его ветчину.

Я поднял голову и посмотрел в направлении, откуда шел голос, но не смог определить, кто говорил.

— После обеда всем построиться в классной комнате, — приказал я.

На мгновение все стихло. Потом шепот возобновился громче, чем раньше. Я почувствовал, что это испытание для меня. Если я провалюсь, окажусь в их власти. Это будет концом дисциплины в лагере. Я понимал, что не должен таким образом разочаровывать Лампрехта.

Через полчаса все собрались в комнате, где проводили собрания. Был ноябрь, снаружи было уже темно. По белым стенам в свете свечей двигались тени. Я противостоял им.

— Товарищи, вы все знаете, что случилось. Я обязан исключить одного из наших рядов, потому что он вор. Я знаю, многие находят это наказание слишком жестоким, но я вынужден быть жестоким в интересах нас всех.

На скамейках в конце послышался ропот, нараставший с каждой минутой. Я помолчал мгновение. Они продолжали ворчать. Тогда я заревел как можно громче:

— Кому не нравится, может сразу убираться!

Шарканье ног. Кто-то встал, за ним другой, а потом вышли тридцать человек. Мантей был одним из первых. Я передал группу их руководителю, а сам последовал за этими тридцатью.

— Построиться во дворе! — скомандовал я.

Они неохотно подчинились.

— Через полчаса получите свое имущество и покинете лагерь. Больше вы к нему не относитесь. Любой, кто окажется здесь позже, — нарушитель. Разойдись!

Затем я вернулся в зал и информировал остальных. Они встретили новость молча, никто не осмелился комментировать. Я вернулся к себе. Я чувствовал себя несчастным, потому что мне было жалко уходящих и жалко, что пришел конец товариществу. Это был неприятный инцидент, вызвавший мое сожаление, но я прошел через это. Работа продолжалась как раньше. Через

несколько дней я услышал, что военно-морской флот дает возможность морякам торгового флота вступить в него. Все это время я мечтал вернуться в море, теперь мечта полностью захватила меня. Я вступил в военно-морской флот в Штралзунде в январе 1933 года. Снова я начинал с самого дна, как простой матрос.

Глава 8
Учеба подводника

Когда человек вступает в армию, он начинает совершенно новую жизнь, личная свобода сведена к минимуму, его место определяется словом команды, железной дисциплиной службы. Матрос всегда на службе. Весь личный опыт становится не важным по сравнению с ней. Это выражается старой пословицей: «Кто поклялся в верности прусскому флагу, не имеет ничего, что может назвать собственным».

Мое обучение проходило в этом духе. Служба и большие политические события заслоняли все остальное. После обычного обучения я был направлен в школу подводников в Киле. В первые несколько недель курса нас до зубов набили теорией. К концу февраля началось практическое обучение. День, когда мы впервые вышли в море на подлодке, я могу вспомнить довольно четко. Было ясно и ветрено. Целая флотилия подлодок строем проплыла в Кильском заливе. На каждой подлодке находилось несколько офицеров-практикантов. Я был на борту «U-3».

Прибыв к месту тренировки, мы через люк боевой рубки попали в центральный пост. Несмотря на всю теоретическую подготовку, мы выглядели беспомощно в узком помещении. Слепящие белые огоньки блестели в стекле, никеле и меди, запутанная сеть электропроводов и трубопроводов сжатого воздуха, различные штурвалы окружали нас. В центре стоял перископ, а около него огромный главный компас. Шум дизельных двигателей, который снаружи был едва слышен за шумом моря, здесь был настолько громок, что вы не могли слышать того, что говорили. Все вибрировало. Везде пронзительный запах стали и масла.

Нас принимал главный инженер. Он испытующе оглядел нас коротким взглядом и начал инструктаж:

— Никогда не забывайте докладывать, если вы должны подняться на верхнюю палубу, когда лодка готовится к погружению. Иначе вас постигнет судьба легендарного лейтенанта Мюллера, обнаружившего, что лодка ушла из-под его ног. Если бы не пузырьки воздуха в его штанах, он потонул бы как крыса.

Из рубки пришла команда:

— Погружение.

И ответы с постов:

— Нос готов к погружению…

— Средняя часть готова…

— Корма готова…

Началось упражнение на погружение. Вытяжные клапаны закрыты, крышка люка упала с металлическим стуком.

— Никогда не забывайте закрыть клапаны, — объяснял главный инженер, понизив голос, — иначе с вами случится такая беда, как со старой «U-3» в заливе Хейкендорф. Офицеры-практиканты забыли закрыть всасывающий клапан. Вода протекла внутрь и залила машинное отделение. Получилось короткое замыкание, лодка наполнилась смертельным дымом. Командир задохнулся, многие погибли, к сожалению.

Его слова были прерваны жужжанием. Заработали электромоторы. Поворот штурвала, заработал вентилятор. Началось испытание на давление. Ощущение такое, словно кровь прилила к ушам. Никто не разговаривал, только непрерывно гудели машины и судорожно стучало рулевое устройство. Следующая команда из рубки:

— Приготовиться продуть баки.

— Баки готовы.

— Продуть баки.

Четыре человека, стоя на коленях, повертывали рычаги вниз. Послышался шипящий звук, выходил воздух. Вода забулькала в баках. Лодка медленно наклонилась вперед, потом назад. Было ощущение, что плывешь на воздушном шаре. Наконец она встала на ровный киль. Стояла мертвая тишина. Никто не говорил, никто не позволял себе пошевелиться, только командир тихим голосом отдавал приказы людям, работающим с горизонтальными рулями. Затем, как лифт, поднялся перископ. Командир вызывал нас одного за другим в центральный пост. Я в первый раз собирался взглянуть на мир в перископ. Горизонт сократился до маленького диска, вода плескалась волнами перед глазами. Потом нам показали, как управлять горизонтальными рулями при помощи больших штурвалов, поворачивающихся, как кофемолка.

После того как мы некоторое время проплыли под водой, командир приказал:

— Всем постам! Лодка опускается на дно. Руль на дно, глубина двадцать один метр.

Вахтенный докладывает:

— …Шестнадцать… восемнадцать… двадцать метров. Оба двигателя стоп!

Слабый толчок прошел по всей лодке. Мы легли на дно моря.

Вахтенный докладывает:

— Глубина погружения двадцать два метра, давление две

тонны.

Обед в двенадцать тридцать. Суп, ромштекс и фрукты для офицеров и команды. Еда хорошая и обильная, но кают-компания маловата и походит на туннель. Случайное мягкое бульканье напоминает, что мы на глубине двадцать два метра на дне Кильского залива.

С кормы доносится звук, словно кто-то работает ручным насосом.

— Что это? — спрашивает Шрайбер, один из практикантов.

Командир молчит, но первый офицер усмехается и отвечает:

— Кто-то пользуется туалетом. Ручной насос все выкидывает, но на двадцати двух метрах это работа. — Его круглое лицо сияет от удовольствия, он наслаждается темой и не собирается оставлять ее. — Но это ничего, — продолжает он оживленно. — Только представьте себе: вы на войне и должны контролировать себя во имя Фатерланда, ведь вещество может всплыть и открыть противнику положение лодки. Один старый подводник с Первой мировой войны рассказывал мне об этом. Они лежали под водой тридцать шесть часов и…

— Возможно, приложив немного усилий, мы найдем другую тему для разговора, — предложил капитан.

Мы оставались на морском дне два часа. Потом учение продолжалось. Мы поднимались этапами: сначала на перископную глубину, потом всплыли. Мы немного устали из-за тяжелого воздуха, пропитанного углекислотой и прогорклым запахом жидкого топлива. С тех пор я много раз ходил в походы под водой, и подлодка стала для меня привычным местом. Но воспоминание о нервом походе по-прежнему ярко. Вещи и люди запоминаются более четко, когда видишь их в первый или последний раз.

В заключение учебного курса я был направлен первым офицером на лодку «U-26», под командованием капитан-лейтенанта Хартмана.

— Острый как бритва, — заметил старый товарищ, — но может многому научить.

Подлодка «U-26» стояла в Бремене. Я прервал путешествие в Гамбурге и пошел в «Звезду Давида» навестить Гарри Стовера, боцмана с «Гамбурга». Я всегда помнил его помощь во время безработицы, когда он давал мне и еду и питье. Во второй половине дня «Звезда Давида» была пуста. Крашеная блондинка ссутулилась за барной стойкой.

— Два больших светлых эля и хозяина, пожалуйста, — попросил я.

Она удивленно посмотрела на меня, скрылась и вернулась с маленьким толстым человеком, на ходу застегивающим пряжку брюк. Это был не Гарри Стовер.

— Чем могу помочь, сэр? — спросил он.

— Я хочу найти Гарри Стовера.

— Простите, сэр, — сказал он с сожалением. — Гарри Стовер умер, умер два года назад. — Он повернулся, чтобы уйти.

— Как это случилось?

— Он повесился.

— Повесился? Почему? — Я показал на второй стакан.

Хозяин кивнул и сел.

— Знаете, старый Стовер не был деловым человеком. Он давал в долг каждому под залог голубых глаз. В конце у него едва ли оставалось что-то, чтобы не умереть с голоду самому. Бизнесу надо учиться, знаете ли. Люди думают, что все, что надо, это стоять за стойкой и подавать пиво.

Я поблагодарил и вышел. Всю дорогу до вокзала я думал о Гарри Стовере. Я спрашивал себя, почему он не обратился к друзьям за помощью. Многим помогал, однако, когда помощь понадобилась ему самому, он повесился. Стовер был счастлив, помогая другим, и слишком добросердечен, чтобы удержаться в этом грубом мире торговцев и спекулянтов.

Я уехал на следующем поезде и, приехав в Бремен, сразу отправился на верфь. Лодка стояла близко к причалу, пришвартованная к рейдовой бочке. С высоты причала она казалась очень маленькой. Командир принял меня в своей каюте. Это был плотный жилистый человек с резкими чертами лица.

— Лейтенант Прин прибыл для службы на «U-26».

Он встал и пожал мне руку.

— Рад вас видеть. Я ждал вас, но сейчас тут нечего делать. У вас есть место, где жить?

Я мгновенно оценил ситуацию:

— Да, сэр.

— Очень хорошо, тогда возвращайтесь через неделю.

Я поблагодарил и ушел. Казалось в эти дни, что я возвращаюсь в прошлое.

По пути домой я познакомился с унтер-офицером. Мы разговорились, и он показал мне фотографию группы на новогоднем балу. Среди незнакомых лиц я увидел одно знакомое: девушка из сада в Плавне, которую я поцеловал, подарив розы. Этот случай был еще свеж в моей памяти. Я попросил унтер-офицера дать мне ее адрес и написал ей. Ответ скоро пришел. Она благодарила за письмо, найдя его забавным, но утверждала,

что никогда не была в Плавне. Через шесть месяцев мы поженились, и я ни разу не пожалел об этом. Как в романе.

Мой отпуск оказался коротким. Через три дня я был вызван телеграммой.

— Мы отправляемся в Испанию, — сказал командир, когда мы встретились. — Защищать интересы Германии. — Его лицо сияло от радости.

Лодка быстро была переоборудована для войны, на борт поступили припасы, топливо, амуниция, и на следующий день мы вышли в море.

В канале мы погрузились для дифферентовки. Я был на центральном посту. Посты доложили:

— Чисто для погружения.

Торпедная команда сообщила:

— Все чисто.

Последовала команда:

— Погружение.

Затем внезапный крик из торпедного люка:

— Рыба.

Я побежал на нос. Торпеда выскользнула из аппарата и высовывалась из люка. Четыре человека, задыхаясь от напряжения, пытались затолкнуть ее обратно. Ясно было, что долго держать ее они не смогут. Вес торпеды оттеснял их назад шаг за шагом. Если корма наклонится хотя бы на несколько градусов, снаряд проскользнет в люк, раздавит людей и разнесет лодку на куски. Я бросился назад.

— Рыбка выскользнула! — прокричал я вахтенному.

Он понял. Зажужжали штурвалы горизонтальных рулей. Вернувшись к торпеде, я толкал ее всем своим весом. Лодка медленно ложилась на ровный киль, и также медленно, дюйм за дюймом, торпеда скользила обратно в аппарат, пока наконец крышка не закрылась за ней металлическим кольцом.

— Как это случилось? — спросил я.

Унтер-офицер стоял передо мной мокрый от пота. Вены на его лбу вздулись как веревки.

— Не знаю, сэр. — Он задыхался. — Я чистил торпеду и закрыл замок, но думаю, болт заело.

— Вы доложили о готовности к погружению преждевременно?

Он сжал губы.

— Да, сэр, — произнес он почти беззвучно.

Когда я доложил об этом командиру, он послал за унтер-офицером и вздул его до полусмерти. Позже за завтраком он

сказал совершенно равнодушно:

— Это одна из многих неприятностей. Как-никак подлодка — не богадельня для престарелых.

В походе было много инцидентов. В Бискайском заливе мы попали в тяжелейший шторм из тех, что мне довелось испытать на подлодках. Когда я стоял на мостике, завернувшись в тяжелый плащ, небо казалось свинцово-серым, а море черным, как чернила. Лодка с трудом пробивалась через шипящие волны, дождь кнутом стегал наши лица. Время от времени волны захлестывали корабль, и мы оказывались по пояс в ледяной воде. Но это было только начало. Море вставало перед нами все выше, все более угрожающе, темное, испещренное полосами пены, потом обрушивалось на нас со всей силой водопада. Мы надели спасательные пояса и прикрепили их к поручням. Командир стоял впереди на боевой рубке, наклонив голову и сжимая поручни руками. Казалось, он, как бык, нападает на волны. Работали дизели. Каждый раз, как мы взлетали на гребень волны, винты крутились в воздухе. Гладкая стена воды встала перед нами выше, чем раньше, и мы исчезли под водой. Когда мы снова поднялись, отплевываясь и откашливаясь, один человек пропал. Старшина на мостике. Крепление его пояса сломалось, и его кинуло на поручни, как мокрый купальник. Одним прыжком командир бросился к нему и схватил за шиворот. Старшину с двумя другими отправили вниз, мы с командиром остались одни на рубке. Высота волн увеличивалась. Временами они были настолько высоки, что над водой показывались только головы людей на мостике. У нас не было выбора, надо погружаться. В следующий миг затишья мы нырнули в люк боевой рубки. В лодку хлынули потоки воды. Включили водоотливной насос и, наконец, погрузились. Чем ниже мы опускались, тем становилось тише, пока не стало слышно ничего, кроме шума лодки и высокого воя электромоторов. Много часов мы плыли под водой, а когда поднялись на поверхность, шторм стих. Утро было серое.

Темный испанский берег круто поднимался перед нами. Не было видно ни огонька, только луна сияла сквозь рваные облака. Штурман ругался, так как не мог определить наше положение. Только и мог сказать, что мы где-то между Бильбао и Сантандером. Мы начали патрулирование, крейсируя между Пезажасом и мысом Финистер. Море было пустынным, хотя мы заметили несколько облачков дыма за горизонтом. Земля лежала темная и молчаливая, только когда ветер дул с берега, до нас доносилась отдаленная стрельба. Эти звуки будоражили кровь и пробуждали желание всякого настоящего солдата быть там, где сражаются. Но время еще не пришло. Только однажды война

подошла к нам так близко, что мы почувствовали уверенность, что втянемся в нее. Это было у Бильбао.

Сигнальщик закричал:

— Два военных корабля по носу слева!

Командир и я были на мостике. Мы узнали крейсер «Адмирал Седейра» и эсминец «Беластро», корабли Франко, идущие к нам на полной скорости. Огромные волны пенились у их носов. Глядя на них в бинокль, мы увидели, что их пушки медленно поворачиваются к нам.

— Возможно, они принимают нас за республиканцев, — сказал командир.

Ситуация была сложной. Я посмотрел на Хартмана. Что он собирается делать? Если мы изменим курс, они примут это за отступление и откроют огонь. Если мы пойдем на сближение, они решат, что мы атакуем. Если мы погрузимся, они забросают нас глубинными бомбами.

— Стоп оба двигателя, — приказал командир.

Мы легли в дрейф и покачивались на волнах, подняв флаг. Прожектор сигналил с трехсекундными интервалами: «Немецкий, немецкий, немецкий». Напрасно. Они продолжали идти вперед.

— Становится жарковато, — сказал я, проводя пальцем под воротником.

Командир засмеялся. Дула их пушек смотрели прямо на нас, но, когда мы были около полутора миль, корабли повернули и пушки вернулись в обычную позицию. Они проплыли мимо нас, приспустив флаги в приветствии.

Глава 9
Первые боевые схватки

Я получил первую команду осенью 1938 года. Наконец я был капитаном собственного корабля. Я поехал в Киль в декабре и встретился с капитан-лейтенантом Собе, командующим флотилией, на плавбазе «Гамбург». Он принял меня в своей каюте.

— Вы уже видели свой корабль?

— Нет еще, сэр.

Он улыбался, а острые серые глаза изучали меня.

— Познакомились с командой?

— Нет.

— Ну, тогда вам лучше пойти и посмотреть на них.

Мы пожали друг другу руки, выкрикнув «Хайль Гитлер!», и расстались. Мой корабль еще стоял на верфи, где велась последняя доводка. Это была прекрасная лодка с плавными линиями. Я поднялся на борт и, сгорая от гордости хозяина, проверил каждую мелочь от носа до кормы, потом зашел к старшему лейтенанту и приказал назначить командирскую проверку на десять часов следующего утра.

День был ясным и солнечным. Поднявшись на квартердек, я испытал удивившее меня чувство волнения при мысли о первой встрече с командой. На палубе стояли тридцать восемь человек, с которыми я разделю жизнь в течение следующих нескольких лет. Будут ли они хорошими или плохими в мире или, если случится, в войне. Я увидел их построенными в два ряда. Резко прозвучала команда:

— Смирно! Равнение налево!

Вахтенный офицер отрапортовал:

— Команда построена! Докладывает старший лейтенант Вессель.

Это был широкоплечий человек с мрачным серьезным лицом. Я вышел вперед, прокричал: «Хайль Гитлер!», они проревели в ответ: «Хайль Гитлер!» Я часто обдумывал, что скажу моей первой команде. Но теперь, когда я стоял перед ними, я просто сказал:

— Через несколько дней мы станем новой единицей германского военно-морского флота. Прошу всех четко выполнять свои обязанности, а я буду выполнять свои. Если мы все будем так делать, все будет в порядке.

Я прошел вдоль строя, спрашивая имя и должность каждого члена команды. У большинства были молодые свежие лица,

жизнь еще не оставила на них следов. Несколько лиц произвели на меня особое впечатление. Это были Эндрас, первый офицер, маленький, спортивный, Спар, штурман, сильный, хорошо владеющий собой. Запомнились широкое добродушное лицо Густава Бома, главного механика, любопытство в глазах помощника инженера Хольштейна, проницательность Смичека и открытое одобрение Лудеке. Я говорил со всеми и старался понять, что они за люди. Но это было в лучшем случае только угадывание: качества людей не проявляются полностью нигде, кроме работы или в опасности.

Следующей весной мы провели несколько пробных походов сначала в заливе, потом в Балтийском море. Я начал узнавать своих людей. Конечно, они не годились для парада, но были каждый на своем месте, а их сердца наполнены духом приключений и энтузиазма, который они проявляли при любой возможности. Все они были добровольцы и надеялись, что жизнь на подлодке интереснее, чем служба на надводных кораблях.

В начале августа мы ушли в Атлантику на широкомасштабные маневры. Международное напряжение усиливалось, и многие ожидали, что ко времени нашего возвращения начнется война. Маневры прошли успешно. Погода была прекрасная: ясные летние дни, едва заметное волнение моря, звездные ночи. По возможности мы слушали радио из дома. Это давало странно приятное чувство — слышать голос диктора, идущий за тысячи миль. Но новости были серьезными, пахло войной. Тренировки, которые мы начинали с таким энтузиазмом, перестали иметь значение, люди появлялись расслабленные, небрежные. Свободные от вахты лежали в своих койках и обсуждали политику. Неустанно выступал Густав Бом. Слова его были проникнуты мудростью. Но в глубине души мы не верили в возможность войны, но крайней мере большой войны, потому что мысль о народах, вцепившихся в глотку друг другу, казалась слишком невероятной.

Но война пришла. Я помню все, как будто это было вчера. Около десяти часов я стоял в рубке с Эндрасом в то сентябрьское утро. Дул свежий северо-западный ветер, волны слегка покрывались пеной. Лодка шла на средней скорости, слышалось глубокое успокаивающее гудение двигателей. Снизу закричали, и в люке боевой рубки появилось бледное лицо Ханселя. От волнения он заикался, так что слова набегали друг на друга:

— Сигнал… Война с Англией…

Я бросился вниз по трапу. В центральном посту Спар и еще два подводника стояли перед маленьким коричневым ящиком, из которого слышались бравурные военные марши. Люди стояли с

напряженными лицами.

— В чем дело?

— Собираются повторить, — прошептал Спар.

Музыка прекратилась, послышался голос диктора:

> «Говорит немецкое радио. Передаем специальный выпуск. Британское правительство направило германскому правительству ультиматум, требующий отвода немецких войск с территории Польши. Сегодня в девять часов утра в Берлине британский посол вручил оскорбительную ноту, информируя германское правительство, что, если к одиннадцати часам утра в Лондоне не будет получен удовлетворительный ответ, Великобритания будет считать себя в состоянии войны с Германией. Британский посол был информирован, что германское правительство и немецкий народ отказываются принимать или выполнять требования, содержащиеся в британском ультиматуме».

За этим последовало чтение германского меморандума. Затем снова зазвучали марши. Мы молчали. Молнией пронеслась мысль: получение призов, свободный выбор поля действий… Марши все еще звучали. Похоже, все, затаив дыхание, ждали, что будет.

В центральном посту три человека уставились на меня. Я подошел к карте и поманил к себе Спара.

— Проложи курс на двести двадцать градусов. Вот откуда мы будем действовать, — сказал я, указывая место на карте. Бессознательно я понизил голос.

Из кают-компании, где собрались свободные от вахты, донесся голос:

— Господи, прости тех, кто это начал.

Я медленно поднялся в рубку. Эндрас и двое вахтенных напряженно смотрели на меня.

— Да, Эндрас, это так.

— Ну, мы не подкачаем! — храбро ответил он.

Затем я отдал приказ:

— Всем наблюдателям постоянно использовать бинокли. Докладывать сразу, как что-либо появится. Обратить особое внимание на самолеты и перископы вражеских подлодок.

Я снова пошел вниз. В маленькой клетушке, служившей мне спальней и комнатой отдыха, с первой страницы я начал мой военный дневник. Закончив запись, я забрался в койку. Я подумал, что наступает время испытаний. Понимал, что мне понадобятся все силы, и решил спать, пока еще есть такая

возможность. Меня разбудил крик:

— Командир, дым по правому борту.

Я даже подпрыгнул. Кто-то из центрального поста повторил сообщение. Я схватил фуражку и поспешил в рубку. Далеко на бледном полуденном небе поднимался столб дыма, тонкий и неустойчивый, как далекий костер. Я взял бинокль и настроил его. Крохотное пятнышко очень медленно появилось над горизонтом. Мы установили курс, и я приказал:

— Полный вперед.

Пена волн брызгала на палубу. Постепенно мы приближались к кораблю. Это был грузовой пароход водоизмещением 5 или 6 тысяч тонн. Как только мы смогли разглядеть резкие контуры мостика, мы погрузились. Выключили дизели. Вода хлынула в баки, с высоким воем включились электромоторы. Глаза прижались к перископу. Я смотрел на черное пятно, постепенно двигающееся к нам.

— Это он? — спросил Эндрас.

— Спокойно, — сказал я. — Подожди, пока папа посмотрит.

Мы расположились на курсе приближающегося корабля и двигались прямо к нему. Я уже мог узнать его национальность. Это было греческое грузовое судно, старое и грязное, с трудом таскающее по морю свой груз.

— Грек, — громко сказал я и добавил: — Приготовьтесь к операции. Готовьте сигнальные флаги, доложите готовность.

Снизу донесся звук шагов, лязганье металла. Снаряды готовили к стрельбе. Спустя несколько мгновений посты доложили:

— Все готово к операции.

— Готово!..

— Готово…

Мы продули баки и всплыли. Люк боевой рубки открылся, мы выскочили на мостик. Позади на трапе толпилась орудийная команда.

— Снаряд перед кораблем, — приказал я.

Отрывисто рявкнули пушки. Эхо от детонации прокатилось по лодке. Снаряд взорвался в сотне ярдов перед кораблем, поднялся фонтан воды, над морем поплыло облако порохового дыма. Пока устанавливалась антенна, Эндрас приказал перезаряжать.

Палуба парохода выглядела как растревоженный муравейник. В бинокль было видно, что команда бесцельно мечется взад и вперед. Наше появление напугало их до полусмерти. Наконец, корабль медленно остановился, покачиваясь на волнах и выпуская пар. Греческий флаг сорвали с мачты. Мы

просигналили: «Пришлите шлюпку с документами», — и осторожно приближались к судну, готовые стрелять в случае необходимости. Мы были уже на расстоянии голоса. Через мегафон я повторил:

— Пришлите шлюпку с документами.

В тот момент, когда я поднял мегафон, головы скрылись за фальшбортом, видны были только руки, что выглядело как немецкое приветствие. Затем голос с корабля прокричал:

— Да, сэр!

На борту началась лихорадочная деятельность. На воду спустили две шлюпки, и команда, как обезьяны, проворно вскарабкалась в них. За борт летели крышки люков, доски… Лодки еще не коснулись воды, а команда уже работала веслами, посылая шлюпки подальше от нас и от собственного корабля. Казалось, они участвуют в регате, так быстро они стремились уйти от нас. Мы медленно последовали за ними и через несколько минут поравнялись. Гребцы немедленно бросили весла и подняли руки над головой.

— Где капитан? — спросил я.

Встал высокий белокурый человек.

— Ваши документы.

Трясущейся рукой он передал мне коричневый портфель. Я внимательно проверил бумаги. Все было в порядке. Это было нейтральное судно, везущее груз в Германию. Для суматохи не было ни малейшего повода.

— Можете продолжать путь, — сказал я, возвращая портфель. — Он недоверчиво смотрел на меня. — Вы не должны радировать о встрече со мной, — сказал я ему. — Мы расценим сигнал как враждебное действие.

Кивнув, он поднял руку в приветствии. Мы отплыли и пошли своим путем, а люди в лодке оставались неподвижными на своих скамьях с поднятыми руками, как бы превратившись в камень. Мы отошли почти на милю, прежде чем они начали грести к своему покинутому кораблю.

— Надеюсь, он не посадит нас в дерьмо, — сказал Густав Бом с озабоченным лицом.

— Мой дорогой Густав, — ответил я спокойно, — во-первых, как старый торговый капитан, я могу видеть это и без очков, а во-вторых, христианин вроде тебя должен использовать подобные слова только в самых исключительных обстоятельствах.

Он щелкнул каблуками так, что затряслись его толстые щеки. Позади нас греческий сухогруз скрылся за горизонтом. Но после этой первой встречи нам чертовски не везло, несколько следующих дней мы не видели ничего, кроме неба и воды.

Наконец рано утром 5 сентября мы снова увидели клубы дыма. Мне случилось быть на мостике. Над морем лежал легкий туман, вставало кроваво-красное солнце. Трудно было четко видеть в полусвете. К тому времени, как мы увидели дым, корабль уже подходил к горизонту. Он шел забавным зигзагом, как стрекоза, порхающая над ручьем.

— Он, кажется, плохо соображает, — заметил Эндрас.

Мы погрузились. Я стоял у перископа и наблюдал за приближением корабля. Это было короткое приземистое грузовое судно, окрашенное в странные цвета. Труба была пламенно-красной, надстройки черные, а дно зеленое, как трава. На носу большими буквами было написано: «Босния».

Очевидно, английский торгаш был предупрежден и приготовился к худшему. Всплывать перед ним не стоит: возможно, он вооружен или может впасть в искушение и попробует протаранить нас. Поэтому я позволил кораблю проплыть мимо, и на небольшом расстоянии мы всплыли позади него и открыли огонь поверх судна. Корабль изменил курс, повернувшись к нам кормой. Я заметил пену от вращающихся винтов. Он пытался уйти. Мы выстрелили второй раз, на этот раз так близко, что столб воды обрушился на палубу. Но корабль отказался остановиться. В это время сигнальщик доложил:

— Неприятель посылает сообщение по радио.

К трапу подбегал посыльный.

— Перехваченное сообщение. — Он подал мне листок бумаги: «Нас атакует и обстреливает немецкая подлодка. Требуется немедленная помощь». Дальше указывались координаты, и заканчивалось послание тремя SOS. Это все решило.

Я дал сигнал Эндрасу. Команда быстро зарядила пушку.

— Огонь!

Коротко прозвучал выстрел. «Босния» получила удар в центр корпуса. Поднялось облако дыма, но «Босния» еще продолжала двигаться вперед.

— Пять залпов быстрого огня, — скомандовал я.

Мы могли видеть, что второй снаряд попал в цель, за ним третий. Наконец, корабль развернулся и лег, как раненое животное. Тяжелый синий и желтый дым извергался из трюма и образовал над кораблем столб, как сосна, покачивающаяся на ветру. Груз, должно быть, содержал много серы. Мы приближались к «Боснии», а ее команда бросилась спускать спасательные шлюпки.

За моей спиной раздался голос Ханселя:

— Виден столб дыма.

Я повернулся. На северо-западе появилась широкая полоса дыма, тяжелого и черного, как траурный флаг. Я быстро оценил ситуацию. Это мог быть эсминец, пришедший на помощь сухогрузу.

— Держите этот корабль в поле зрения и доложите сразу, как определите его принадлежность.

Команда «Боснии» слишком торопилась убежать от нас. Одна лодка наполнилась водой и тонула. Тяжело было видеть, как эти люди беспомощно барахтаются в воде. Некоторые звали на помощь. Мы направились к тонущей лодке. Саманн и Дитмер наклонились, чтобы помочь плавающим людям подняться на борт. Они так перегнулись через поручни, что их руки почти касались воды. К этому времени спасательная лодка «Боснии» наполнилась водой, и море поглотило ее. Несколько голов плавали близко друг к другу, потом волна разделила их. Через несколько секунд осталась только горстка людей. Не умеющие плавать молотили по воде руками. Другие плыли к спасательной лодке «Боснии», которая повернула к людям, находящимся в воде. Дотянувшись, Дитмер и Саманн выхватили одного из людей и втянули его на борт. Спасенный оказался маленьким рыжеголовым мальчишкой, вероятно юнгой. Он сидел задыхаясь, вода бежала по его лицу и капала с одежды.

Хансель доложил:

— Норвежское грузовое судно, командир.

Я повернулся и взял бинокль. Корабль шел с юго-запада легко, очевидно без груза.

— Хорошо, Хансель, — сказал я, почувствовав облегчение. Я не хотел встречаться с эсминцем раньше, чем утоплю «Боснию».

Тем временем мальчик перевел дыхание, подошел к поручням и встал рядом с Дитмером. Он дрожал от испуга. Я поманил его на мостик:

— Ты юнга?

— Да, сэр.

— Что за груз?

— Сера, сэр.

— Куда вы направлялись?

— В Глазго.

Он отвечал почти автоматически, в его речи чувствовался акцент кокни. Это мальчик из лондонских трущоб, тот тип, на которого никто и ничто не производит впечатления.

— Ты дрожишь. Боишься?

Он покачал головой:

— Нет, это от холода.

— Получишь глоток бренди, — сказал я.

Он кивнул и добавил, может быть, чтобы показать свою благодарность:

— Конечно, мы испугались, сэр. Вы не можете себе представить, на что это похоже. Вы смотрите на воду и ничего не видите, только небо и воду, и вдруг что-то огромное поднимается за вами и фыркает, как морж. Я думал, что вижу лох-несское чудовище.

Мы приблизились ко второй лодке с «Боснии».

— Где капитан? — прокричал я.

Офицер встал и показал на «Боснию»:

— На борту.

Я посмотрел на корабль, объятый облаками дыма и пламенем, как вулкан.

— Что он там делает?

— Сжигает документы.

Я понял. Человек, один на горящем корабле, в сотнях миль от земли, без средств к спасению, уничтожает документы корабля, чтобы они не попали в руки врагу. Я восхитился его мужеством.

— А кто вы?

Он поднял руку к козырьку:

— Первый помощник капитана «Боснии».

— Идите на борт.

Дитмер помог ему перебраться на борт. Он не походил на моряка: бледный, толстый, усталый. Когда он поднялся на палубу, снова отсалютовал. К этому времени юнгу взяли на борт другой спасательной лодки с «Боснии», и мы направились к новоприбывшим, большому норвежскому судну. Оно почти высовывалось из воды. По пути мы прошли рядом с одним из потерпевших крушение людей, и, пока стояли, Саманн и Дитмер вытащили его на борт. Я спустился вниз посмотреть на человека, которого они принесли. Он безжизненно лежал, маленький тощий, молодой по возрасту, но истощенный, как старая лошадь. На его одежде виднелись следы угольной пыли. Возможно, он был кочегаром на «Боснии». Саманн снял с него куртку и рубашку. Парень был болезненно худым, ребра его торчали, как прутья клетки. Дитмер начал делать искусственное дыхание. Первый помощник капитана «Боснии» стоял рядом со мной. Посмотрев вниз, он резко сказал:

— Вы, немцы, добросердечные люди.

Я посмотрел на него, толстого, сытого и, вероятно, самодовольного, и не мог удержаться от грубости:

— Было бы лучше, если бы вы давали людям больше еды на вашем корабле.

Оставив его стоять, я вернулся в рубку. Норвежское судно

приблизилось настолько, что ясно различался национальный флаг на мачте. Я дал ему сигнал остановиться. Его борта теперь возвышались над нами, как утес. Мы передали: «Пожалуйста, возьмите на борт команду английского корабля». Норвежец ответил: «Готовы». Когда подошла их шлюпка, маленький кочегар, еще без сознания, первым был взят на борт, за ним последовал первый помощник капитана, еще раз отсалютовав перед уходом. Я поговорил с вахтенным норвежского судна и объяснил ему ситуацию. Показал ему спасательную шлюпку с «Боснии» и саму «Боснию», горевшую рядом. Именно тогда человек с «Боснии» прыгнул в воду. Возможно, капитан успел уничтожить документы. Я указал на него и попросил спасти его тоже. Мы подождали, пока норвежцы закончат спасательные работы. Это заняло довольно много времени. Наши сигнальщики нервно осматривали горизонт. «Босния» послала по радио призыв о помощи, а стоящее над горящим кораблем облако дыма может быть видно за сотни миль. Наконец, норвежское судно приспустило флаг и отплыло. Нам пришлось пожертвовать торпедой, чтобы покончить с «Боснией». Все хотели наблюдать за первой выпущенной торпедой, поэтому почти вся команда высыпала на палубу. Конечно, по фотографиям Первой мировой войны мы могли видеть, как взорванный пароход переворачивается в воде и быстро скользит на дно. Но то, что мы увидели, оказалось не так зрелищно, но произвело гораздо большее впечатление. После глухого взрыва огромные столбы воды поднялись высоко над мачтой и корабль просто разломился на две части, и они в несколько секунд скрылись в море. Несколько кусков дерева и пустые шлюпки — все, что от него осталось.

Мы бодро двигались на север, но прошло еще два дня, прежде чем встретили следующий корабль. Это опять оказалось английское грузовое судно водоизмещением около 3 тысяч тонн. Название «Гартавон», написанное большими белыми буквами, виднелось на его бортах. Мы всплыли за его кормой и послали предупредительный выстрел через его нос. Он отказался остановиться и послал по радио просьбу о помощи. Наш выстрел заставил радио замолчать. Команда бросилась к шлюпкам. Приятно было смотреть, как дружно они справляются со своей задачей. Никакого замешательства, ни одного лишнего движения. Все делалось даже быстрее, чем я видел на некоторых военно-морских учениях. Я с одобрением подумал, что на этом корабле отличная дисциплина. Как только шлюпки оказались на воде, команда начала грести равномерными быстрыми гребками.

Отойдя на некоторое расстояние, они установили мачту и подняли парус. Я наблюдал за ними в бинокль. Красивое зрелище! Потом я повернулся к кораблю. И тут у меня кровь застыла. Покинутый командой «Гартавон» шел прямо на нас. Очевидно, перед тем, как покинуть корабль, они запустили двигатель и установили курс в нашем направлении в надежде, что он разрежет нас пополам.

— Полный вперед! — закричал я.

Пока заработали двигатели подлодки, пришлось пережить несколько неприятных мгновений. «Гартавон» подошел совсем близко, тень его парусов скользила по палубе. Наконец винты начали вращаться, и мы понеслись вперед. За нами пароход резал наш кильватер так близко, что волна от его носа захлестывала нашу корму. Холодная ярость охватила меня. Мы пошли за двумя спасательными шлюпками, которые быстро уходили от нас. Они шли под парусами и одновременно гребли, пытаясь убежать. Пока мы преследовали их, я твердил себе: «Не забудь, эти люди потерпели кораблекрушение». Догнав лодку капитана, мы остановились в каких-нибудь десяти ярдах.

Я схватил мегафон и крикнул:

— Капитан!

На корме встал тонкий светловолосый человек. Очень корректный капитан «Гартавона» казался офицером с головы до пят. Кроме него, в шлюпке был главный инженер. Сквозь его черную бороду сверкали белые зубы. Я был уверен, что именно он с согласия капитана направил корабль, чтобы таранить нас.

— Кто-нибудь остался на борту? — спросил я в мегафон.

Капитан поднес руки ко рту:

— Нет, сэр.

— Поскольку вы совершили враждебное действие, я не буду радировать о вас, но пошлю к вам следующее нейтральное судно, которое встречу.

Он остался спокойным.

— Хорошо, сэр. — И после короткой паузы: — Могу я идти?

— Да, — сказал я, — можете.

Он отдал салют, и я его принял. Мы были очень вежливы друг с другом, как рыцари в романе. Но за этой формальностью лежала ледяная ненависть, ненависть людей, столкнувшихся друг с другом в последней решительной схватке. Мы вернулись к «Гартавону», все еще двигавшемуся кругами. Чтобы сберечь торпеды, мы послали в трюм несколько снарядов. В борту зияла дыра, извергался белый пар, «Гартавон» медленно погружался в воду. Мы выстрелили еще раз. Корабль неуклюже, как смертельно раненный зверь, перевернулся. На мгновение показался зеленый

от водорослей киль, а затем корабль затонул.

Война с каждым днем становилась все более ожесточенной. Англичане стали вооружать свои торговые суда и отправлять их в конвое. Мы действовали соответственно. Каждое судно во вражеском конвое должно быть торпедировано без предупреждения. Мы действовали по формуле: каждое судно в конвое идет ко дну. Довольно долго я не встречал конвой, но однажды утром, находясь под водой, мы увидели клубы дыма, встающие над серым горизонтом. Потом мы увидели оснастку большого корабля, за ним еще одного и, наконец, лес мачт, казалось плывущих к нам. Мы насчитали двенадцать пароходов, охраняемых пятью английскими эсминцами. Большие корабли двигались, рыская из стороны в сторону, как пьяница, переходящий улицу, а маленькие эсминцы зигзагами кружили вокруг них. Мы направились прямо к ним. Море было довольно бурным, низкие серые облака нависли над водой. Северо-западный ветер дул нам навстречу. Нелегко было повторять движения противника, приходилось снова и снова менять курс. Зеленые волны окатывали перископ, мы осторожно проталкивались вверх, это мешало наблюдению. Темнело.

Наконец, наступила ночь, небо и море стали совершенно серыми. Я смотрел на строй кораблей и приближался к выбранной жертве: толстенький танкер, третий в ряду. Он больше и тяжелее, чем другие корабли, и, кроме того, более ценный. Мы не забывали слова графа Джеллико в последней войне, что союзники плыли к победе на волне нефти. По крайней мере, эта волна не должна достичь берега. Мы подошли так близко, что должны были замедлить ход, чтобы не протаранить корабль. Мы могли ясно слышать тяжелое биение его двигателей. В перископ стал виден его нос. Огромная черная стена поднималась и, наконец, заполнила весь обзор.

— Торпеда один — огонь, — скомандовал я.

Отдача от рыбки потрясла лодку. Внизу Спар выпевал напряженным голосом:

— …Тринадцать, четырнадцать, пятнадцать…

Невозможно, чтобы мы промахнулись на таком близком расстоянии.

— …Шестнадцать…

Что-то определенно было не так. И я нашел что! Я забыл изменить увеличение перископа! В тот же момент глухая детонация. Трижды ура! Рыбка приплыла! Осторожно подняли перископ. Слепящий свет и огромный столб пламени вздымались к небу из трюма танкера. Два эсминца летели к нам.

— Внимание, эсминцы! — прокричал я.

Первые глубинные бомбы уже рвались в море с оглушающим звуком. Мы почувствовали сотрясение корабля. Перископ опустили, и мы показали хвост. Сначала мертвая пауза, потом ближе вторая серия бомб. Казалось, лодка лежит в кулаке великана и он трясет ее туда и сюда. Затем снова молчание. Сквозь стрельбу мы могли слышать винты приближающихся эсминцев, звук, треплющий нервы. Затем еще одна серия бомб. В этот раз невидимый кулак стукнул нас пугающим ударом. Разбились стекла, некоторые лампы взорвались, нас окружил мрачный полусвет. Приборы дико подпрыгнули, крепления полетели. Лодка закачалась, как сбитый с ног боксер. Перекрывая все это, послышался спокойный голос Весселя:

— Доложите о повреждениях в центральный пост!

С постов пришли ответы:

— На корме три лампы разбиты.

— На носу два манометра испорчены, разбито несколько ламп.

— Радиорубка. Свет перегорел, использую аварийный.

Потом послышался звук, как будто морской лев выдул воздух, и голос с центрального поста:

— Черт побери, мы выбрались!

Мы выбирались. Шум следующей серии бомб оказался далеко за нами. Вдруг впереди послышался звук детонации, будто сталь разламывали на части. Мы медленно подняли перископ. Была темная ночь. На темном небе поднимался огромный купол огня длиной тысячу пятьсот и высотой триста футов. Танкер горел, рассыпая горящие части по морю. Мысль о людях в этом пылающем аду на мгновение пришла мне в голову, и я поежился.

Глава 10
В ловушке

Мы получили приказ препятствовать высадке английских войск и несколько дней крейсировали около Нарвика. Апрельским днем мы вошли в фиорд. День был ясный, солнце сияло на бледно-голубом небе, снежные вершины блестели. Мы осторожно продвигались по фиорду. По обе стороны отвесные стены скал в несколько сотен футов высотой почти вертикально спускались в море. Перед нами лежал узкий фарватер, темный и спокойный. Это было очень неудобно, потому что в любой момент могли появиться вражеские самолеты, а в такой прозрачной воде мы будем видны и на большой глубине. Любая расщелина в скале могла скрывать врага, готового наброситься и уничтожить нас, как и мы готовы уничтожить его. Каждый дом и каждая улица таили опасность, поскольку в это время позиция Норвегии еще не определилась. Мы стояли на мостике и внимательно осматривали в бинокли небо, море и землю. Увидев маленькое поселение из крошечных коричневых хижин, ленившихся на склоне холма, мы ушли на перископную глубину. Когда мы снова поднялись, была ночь, светлая летняя ночь в Норвегии, когда цвета исчезают, но контуры остаются четкими. Лодка медленно огибала мыс. Перед нами, едва ли не в двухстах метрах, стоял на якоре военный корабль, четко вырисовывающийся на белом снегу холмов. Это был английский крейсер 7–8 тысяч тонн водоизмещением. Я сразу приготовился к атаке. Мы уже заканчивали патрулирование, и в носовом аппарате оставалась только одна торпеда. Только один выстрел, и просто необходимо попасть.

— Приготовиться… Приготовиться к выстрелу. Огонь!

Вся лодка вибрировала от отдачи, когда мы разворачивались. Мы должны были поворачивать медленно и осторожно, потому что при большой скорости волна и шум двигателей выдадут нашу позицию, настолько близко мы находимся к противнику. Погрузиться так близко от берега было невозможно. Наша лодка поворачивала, а мы наблюдали путь торпеды. «Проклятье! Промахнулись!» Торпеда сбилась с курса и свернула к скалистому утесу перед кораблем. Внезапно под килем послышался царапающий звук, и мы прочно застряли прямо под пушками врага. В тот же момент торпеда ударила в скалу.

Раздался сильный взрыв, столб воды поднялся по стене утеса. На долю секунды я подумал, что все потеряно. Если мы хотим уйти, надо поторопиться.

— Оба двигателя полный назад! — проревел я.

Двигатели пришли в движение, полетели искры, густая пена забурлила за кормой, но лодка не шевелилась. Я посмотрел на крейсер. Ничего не было видно. Он стоял темный и молчаливый, как спящее чудовище. Я схватил первого офицера:

— Иди разбуди свободных от вахты. Прикажи им бегать по кораблю и раскачивать его.

Второму офицеру я приказал уничтожить все документы и установить взрывные устройства так, чтобы взорвать лодку, если мы попадем в руки врага. Он скрылся в люке. Я снова посмотрел на крейсер. Неправдоподобно, но он не подавал признаков жизни. Я подумал, что мне хотелось бы уметь так спать, когда я буду на пенсии.

— Выпустить воду из торпедных аппаратов и продуть баки, — приказал я.

Это существенно облегчит корабль. Началась лихорадочная деятельность. Люди толпой бежали наверх, спотыкаясь в спешке, потом бежали вниз. Короткий свисток — и топот многих ног. Команда бежала на левый борт. Снова свисток, едва слышный за шумом двигателей, и ноги потопали на правый борт. Это продолжалось долго. Вверх — вниз, вверх — вниз — снова и снова. Судно шевельнулось, но еще не освободилось. Я пытался повернуть, приказал правой машине «стоп», затем руль на левый борт и двигатель правого борта на полскорости вперед. Мы поворачивались ужасно медленно и неуклюже, оставаясь на мели.

Сигнальщик левого борта подошел ко мне и прошептал:

— Там что-то движется.

— Где?

Он указал в ночь. В фиорде, перед нашим заливом, к нам медленно и беззвучно двигалось судно, еле видимое, серое в серой ночи. Потом появились огни, нам посылали сигналы Морзе и давали опознавательные сигналы.

— Отвечать? — спросил сигнальщик, понизив голос, хотя шум двигателя заглушал любые слова.

Теперь у нас было два врага: за спиной крейсер, а впереди другой вражеский корабль. Хансель держал сигнальный фонарь наготове.

— Нет, — сказал я быстро. — Пусть думают, что мы контрабандисты.

Корабль еще поморгал морзянкой, но мы не отвечали, и он прекратил сигналы. Хансель повернулся ко мне:

— Командир, там старый рыбацкий катер.

Он резко замолчал, но в этот напряженный момент наши души были настроены так, что я понял его без дальнейших слов.

Я подумал, что, если все пойдет плохо, мы сможем уйти в Нарвик на нем, и приказал:

— Принесите пулеметы, гранаты и взрывчатку.

Крейсер все еще спал. Наблюдатель с левого борта доложил:

— Командир, это траулер.

Я присмотрелся. Он прав. Вооруженный траулер заходил отдохнуть у входа в наш залив. Мы оказались в ловушке, беспомощные, без торпед. Неподвижная мишень для двух противников, каждый из которых был сильнее нас. Штурман произнес:

— Лодка движется назад.

И мы услышали хрустящий звук. Лодка пошла назад, качнулась на левый борт и встала на ровный киль.

— Слава богу! Мы свободны! Все, кроме вахты на мостике, вниз! Приготовиться к погружению.

Мы медленно двигались к траулеру, загораживавшему нам дорогу. В тысяче ярдов от него мы погрузились и прошли под ним. К тому времени, как нас заметили, мы уже вышли из фиорда. За нами загремели сердитые взрывы глубинных бомб. Когда я пришел в центральный пост, кто-то сказал:

— Прошли на волосок…

Глава 11
66 тысяч тонн

Было два часа ночи. Я лежал у себя в полусне, не дающем отдыха. Из радиорубки напротив доносилось попискивание морзянки, отделенное от меня только байковой занавеской. Это большое неудобство на борту.

Штейнхаген доложил:

— Командир, радиосигнал всем подлодкам. Немецкий самолет сбит в Северном море. Указаны координаты.

Я вскочил, схватил фуражку и бросился в центральный пост. Бросив взгляд на карту, я увидел, что указанное место лежит близко к нашему курсу. Я поднялся в рубку. Вахта на мостике стояла, укутавшись в теплую одежду. Мороз был сухой и пронзительный. Дав приказание вахте «искать сбитый самолет», я вернулся в центральный пост, указал новый курс и велел разбудить меня в семь часов, если не случится ничего неожиданного.

Ровно в семь меня разбудил Рот, включивший свет над моей головой. Когда я поднялся на мостик, ранний утренний туман полосами расходился по воде. Самолета не видели, и ничего не произошло во время моего сна. Нам не везло, мы уже прошли указанное место, где в море болтался беспомощный экипаж самолета. Погруженный в свои мысли, я спустился в кают-компанию. Там уже завтракал Барендорф. Мы сидели друг против друга, он что-то говорил, но я едва слушал его, потому что мысли были заняты беспомощными летчиками. Мы должны добраться до них так или иначе. Вдруг меня озарило. Я бросился в центральный пост и приказал:

— Лево на борт. Курс двести сорок пять градусов.

Я вернулся к столу. Барендорф искоса посмотрел на меня, но ничего не сказал. Потом он встал и пошел на мостик. Я продолжал завтракать.

С мостика передали:

— Огни впереди.

Я поднялся в рубку. Барендорф указал вперед в туман:

— Я видел белый свет оттуда.

Мы приблизились к месту. На волнах плавал круглый темный предмет — плавучая мина. Мы обошли ее и прямо перед нами увидели темно-серую тень, плывущую к нам. Это оказалась разборная шлюпка с тремя людьми на борту. Несколько человек из нашей команды стояли у поручней, наблюдая и радуясь.

— Эй, — закричал боцман трубным голосом, — довольны ли вы, парни?

В ответ закричали с шлюпки. Два человека вскочили, замахали руками, подбрасывая шлемы над головой. Мы медленно маневрировали около шлюпки. Летчики перестали грести и от радости чуть не забыли подхватить линь, который мы им бросили. Потом им помогли подняться на борт. Сначала подняли раненого.

— Где самолет? — спросил я.

— Утонул, — ответил летчик.

— Кто-нибудь из команды пропал?

— Да, сэр. Капитан.

— Почему?

— Убит.

— Полный вперед, — скомандовал я.

Мы должны были побыстрее убраться отсюда, потому что пламя, зажженное летчиками, могло привлечь противника. Мои люди помогли раненому пройти в люк. Совсем молодой, он был бледен и изможден. Два других сержанта последовали за ним. Внизу закипела бурная деятельность. Раненого летчика положили на койку инженера, и пять человек принялись раздевать его. Двое других сидели на койке, окруженные командой, которая забрасывала их вопросами, угощая одновременно чаем, шоколадом и сигаретами. Я не поверил своим ушам, когда услышал, как Валц, кок, предлагает летчикам яичницу. Он обычно берег яйца как наседка, бросаясь на каждого, кто осмеливался намекнуть, что хотел бы съесть яичко.

Когда я подошел, раненый мальчик попытался встать, но я мягко подтолкнул его обратно и осмотрел раны. Одна нуля зацепила плечо, другая прошла через икру. Раны были чистыми и не грозили осложнениями. Пока я осматривал его, я попросил рассказать, что случилось, чтобы отвлечь его внимание.

— Как раз над каналом мы столкнулись с английским истребителем. Он атаковал нас и прочесал из пулемета. Мы ответили, а потом инженер закричал, что пробита система охлаждения и мы падаем. Английский самолет развернулся и снова пошел на нас. Наш капитан бросился к пулемету. Вдруг ветровое стекло стало красным, летчик закричал: «Я не вижу!» В следующий момент мы очутились в море. Все были в порядке, только капитан мертв. Он был ранен в голову, и поток воздуха разбрызгал его кровь по стеклу. Мы вытащили его. Все это время английский самолет кружил над нами, как ястреб. Каждый раз, когда видел кого-нибудь из нас, он стрелял. Вот почему я получил две пули. Наконец мы вытащили мертвого капитана на

крыло и достали шлюпку. Тогда английский летчик, грязная собака, перестал стрелять. У нас был карманный компас, и мы начали грести на восток. Английский самолет некоторое время кружил над нами, потом прилетел второй «бристол» и прошел низко над нашей лодкой. Они не стреляли, но и не пытались спасти нас. Мы гребли весь день и всю ночь, потом еще ночь, около сорока часов. Мы установили очередь: один греб в течение часа, другой правил, третий спал… Спать удавалось немного. Время от времени мы зажигали свет, а потом увидели вас. Сначала мы подумали, что это англичане, а когда услышали, что вы говорите по-немецки, чуть с ума не сошли от радости. — Он остановился.

Я закончил перевязку.

— Ну, теперь ты прежде всего должен поесть и хорошенько поспать, — сказал я.

Всех троих накормили и уложили спать. Я послал по радио сообщение: «Летчиков подобрали, продолжаю свой курс».

Я не видел гостей до следующего утра. Два сержанта стояли рядом и смотрели на маленький кусочек неба, показавшийся в люке боевой рубки. Они казались птицами в клетке. Я определил их в вахту на мостик, чтобы они могли время от времени побыть немного на свежем воздухе. Мы надеялись, что спасение летчиков будет хорошим предзнаменованием, но с того часа, как мы взяли их на борт, мы не видели ни одного объекта. Погода была идеальной, солнце сияло на безоблачном небе, море слегка волновалось. Хотя после заката долго еще оставалось светло, небо и вода на горизонте оставались пустыми. Одиннадцать дней мы шли по району, считавшемуся одним из лучших для охоты. Нервы были натянуты до предела. Бинокли прилипали к глазам, когда мы осматривали горизонт с мостика. Не видно было ничего: ни дыма, ни мачт, ни парусов. Постепенно нас охватило настроение, сравнимое только с болезнью полярников. Малейшая провокация вела к вспышкам гнева и скандалам. Если смена на мостике задерживалась на две минуты, происходила дьявольская ссора. Даже обычное «Смотри в оба» застревало в горле, когда я уходил с мостика.

На рассвете двенадцатого дня мы проводили дифферентовочное погружение. Я стоял у перископа и позвал Бома:

— Густав, чертов перископ опять изгажен.

— Но я чистил его, сэр.

И в этот момент я увидел пароход. Это был шок.

— Внимание на постах! — прокричал я.

Мы быстро приблизились к одинокому танкеру, который

пытался обойти нас диким зигзагом. Мы погрузились и вышли у него за кормой.

— Приготовить пушки! — приказал я, но случайно повернулся, и кровь застыла в жилах.

На западе появился лес мачт, большой конвой. Мы немедленно погрузились. Мы чуть не попали в ловушку для подлодок, поскольку единственное судно было послано как приманка. Я решил идти за конвоем. Мы шли за ним в течение трех часов, намереваясь отрезать один корабль. Но это было безнадежно, потому что под водой мы шли слишком медленно. Когда мы снова всплыли, лес мачт был далеко на горизонте. Только траулер шел к нам, вспенив носом волны. Мы снова погрузились и снова всплыли. На сей раз из облаков на нас выскочил «сандерленд», так что пришлось быстро погружаться, чтобы спрятаться под водой. К этому времени конвой скрылся. Я проклял наше невезение, пока смотрел в перископ, как вдруг заметил пароход, лениво приближающийся к нам. Очевидно, он выпал из конвоя. Я определил его водоизмещение примерно в 6 тысяч тонн. Палуба была уставлена огромными ящиками, а на баке я насчитал восемь пушек. Мы погрузились и послали торпеду, ударившую в середину корабля. Через перископ я наблюдал, как команда садится в шлюпки. Потом пароход медленно исчез в вихре пены. Когда мы повернули прочь, на воде еще можно было видеть прыгающие ящики. Через планки виднелись детали самолетов, крылья, пропеллеры и так далее. Мы смотрели, как они тонут один за другим.

— Эти птички уже никогда не взлетят, — с удовлетворением сказал Мейер.

Я надеялся, что теперь заклинание разрушено, но невезение оставалось с нами, и следующие семь дней мы не видели ничего, кроме неба и воды. Полярная болезнь на борту приняла размеры эпидемии. Мы не могли выносить даже вида друг друга, а увидеть, как кто-то чистит зубы или ест, было достаточно, чтобы начало тошнить.

На седьмой день вахта в рубке заметила пароход. Это опять был конвой, обнаруженный одним из летчиков. На горизонте появилась длинная линия, около тридцати кораблей. Поскольку мы находились в невыгодной позиции, я позволил конвою пройти, подошел сзади и сделал широкий круг. Был уже вечер, когда мы снова вошли в контакт, но на этот раз мы хорошо разместились. Они казались прекрасным силуэтом на фоне вечернего неба. Я выбрал три самых больших: танкер 12 тысяч тонн, еще один 7 тысяч и грузовое судно тоже 7 тысяч тонн. Мы приблизились к ним под водой. Я буквально прилип к перископу

и наблюдал, как первый офицер передавал мои приказы. Выстрелил аппарат номер один, за ним второй, через несколько секунд должен был выстрелить третий, но не выстрелил. С носа докатились звуки спора, но тогда я не обратил на это внимания. Я наблюдал эффект взрывов. Первый удар был по 12-тонному «Кадиллаку». Потом глухой звук детонации, фонтан воды, за ним появился окутанный желто-коричневым дымом корабль. Второй удар. Я не мог поверить своим глазам. Мы не целились в этот корабль: «Грация», водоизмещение 5 тысяч тонн. И сразу после нее грузовой корабль 7 тысяч тонн. Во все три корабля попали точно, ни один из них нельзя было спасти. Мы убрались как можно быстрее, в кильватере уже рвались глубинные бомбы.

Я повернулся к торпедисту:

— Какого черта, что там случилось? Почему не стреляли по команде?

Он выглядел сконфуженным.

— Простите, я поскользнулся и попал на рукоятку, торпеда вышла слишком рано.

Я засмеялся:

— По крайней мере, хоть куда-то попал. Но ты лишил нас тысячи четырехсот тонн.

Он минуту помолчал, потом спросил:

— А сколько всего, командир?

— Двадцать четыре тысячи тонн.

Новость облетела лодку, и лица засияли, как небо после затяжного дождя. Наконец нам повезло.

Через две ночи мы заметили пароход, нагруженный пшеницей. Около 2800 тонн. Чтобы поберечь торпеды, я заставил команду сесть в лодки и отплыть от корабля. Мы были довольно далеко от берега, поэтому я последовал за спасательными лодками и дал им хлеб, колбасу и ром.

Следующий день принес нам два корабля. На рассвете мы поймали корабль водоизмещением 4 тысячи тонн с грузом леса и расправились с ним несколькими выстрелами ниже ватерлинии. После полудня мы встретили датский танкер, нагруженный дизельным топливом. На мостике он нес огромный барьер из мешков с песком. Мы ударили по нему несколькими снарядами, но вместо того, чтобы затонуть, корабль все выше и выше поднимался из воды, поскольку топливо вытекало в море, и он становился все более плавучим. Мы прицелились в его машинное отделение, и только тогда корабль начал тонуть. Спасательные лодки и команда были уже на некотором расстоянии, когда мы увидели трех человек, плавающих в воде. Это были третий и четвертый механики и кочегар. Капитан не позаботился о них, а

оставил тонуть в машинном отделении. Я остановился, подобрал их, догнал спасательные шлюпки и передал людей. К капитану-«христианину» я обратился с короткой речью, начинавшейся: «Ты чертов подонок…» и заканчивавшейся на подобной ноте. Теперь у нас на счету было почти 40 тысяч тонн, 39 885, если быть точными. Мы были довольны собой.

Но потом мы получили сообщение по радио:

> «Немецкая подлодка вернулась после патрулирования, потопив 54 тысячи тонн».

Ее командир проходил у нас практику. У людей вытянулись лица. Штейнхаген, наш заводила, выразил общее мнение:

— Обидно смотреть, как эти молодые выскочки нас обставляют.

Его огорчение потрясло меня, оно было каким-то детским, но в то же время меня обрадовал дух команды. Я вызвал первого и второго офицеров. В итоге наших дискуссий выяснилось, что у нас осталось только шесть крупнокалиберных снарядов и несколько торпед. Следующей ночью одна из торпед ушла в белый свет. Пароход прошел мимо нас на большой скорости и на расстоянии, стрелять надо было быстро. Когда торпеда вышла из аппарата, мы начали считать. Сначала пятьдесят секунд. Каждая секунда делала попадание все менее вероятным. Минута, двадцать секунд.

— Моя прекрасная торпеда, — простонал Барендорф, стиснув зубы.

Мы попытались гнаться за пароходом, но он уклонился от нас, и темнота поглотила его.

Меня разбудила новость, что первый офицер заметил «Эмпайр Тукан», лайнер 7 тысяч тонн. Наша лодка тяжело качалась на волнах.

— Мы атакуем снарядами, — сказал я.

— Не уверен, что сможем попасть в таком море, — заметил первый офицер.

Я пожал плечами: еще вероятнее, что мы промахнемся торпедой. Вызвали боцмана Мейера заряжать пушку. Он отказался.

— Стрелять в такую погоду — сумасшествие, — сказал он тому, кто его будил. — Слишком большая качка, чтобы прицелиться.

За ним послали во второй раз с официальным приказом с мостика. Он наконец появился, сонный и раздраженный.

Я инструктировал его:

— Первый выстрел должен быть по пушкам, вы их ясно

видите на палубе. Второй выстрел по мостику, чтобы они не могли радировать.

— Есть, — ответил он, щелкнув каблуками. Однако, судя по выражению его лица, он думал, что стоит экономить снаряды.

Мы стояли на мостике и наблюдали стрельбу. Это было последнее наше оружие. Первый снаряд ударил точно между пушками. Второй попал в бак, третий в корму, четвертый промахнулся, пятый не разорвался, шестой, наконец, ударил в мостик и попал в раструб вентиляции. Это было странное зрелище. Давление детонации изнутри вытолкнуло его и бросило прямо на мачту. Все это выглядело как белое привидение на рассвете. Несмотря на последний удар, радио яростно работало, посылая SOS. Команда расхватала шлюпки и бросилась с корабля. Только радист оставался и продолжал посылать сигналы. Больше мы ничего не могли сделать. Мы должны пожертвовать торпедой, если не хотим, чтобы нам наступали на пятки. В лайнер попали точно в середину. Он разломился, глубоко погрузился в море и вдруг встал на дыбы на фоне неба. Радист все еще оставался на посту. Внезапно мы увидели человека, бегущего по наклонившейся палубе. Он схватил красную лампу и, держа ее высоко над головой, прыгнул с тонущего корабля. Когда он упал в воду, красный свет погас. Мы остановились в том месте, где он скрылся, но не смогли найти его. Затем на севере показались тени, темные очертания в сумерках, возможно эсминцы. Поскольку у нас оставалась только одна годная торпеда, мы решили удрать. Через три минуты Штейнхаген принес мне радиосообщение. Это было последнее сообщение с «Эмпайр Тукан»: «Торпедирован подлодкой, быстро тону. SOS» и потом длинное тире. Это был последний сигнал радиста.

Следующий корабль мы встретили через два дня. Это было греческое грузовое судно, которое мы прикончили нашей последней торпедой. В нем было только 4 тысячи тонн. Штейнхаген просунул голову в дверь.

— Довольно, командир? — спросил он, затаив дыхание.

Я уже посчитал.

— Нет, — сказал я. — У нас только пятьдесят одна тысяча, другая лодка имеет на три тысячи больше.

По лодке прошла волна разочарования. Мы начали обратный путь с одной неисправной торпедой на борту. Я вызвал торпедиста:

— Если торпеда будет в порядке, у нас будет еще один выстрел.

На следующее утро он доложил, что торпеда в рабочем состоянии.

Утро было ясное, спокойное. Мы шли поблизости от берега. Сигнальщик доложил:

— Пароход по левому борту.

Огромное судно с двумя трубами приближалось к нам со стороны солнца диким зигзагом. Против солнца было невозможно определить его цвет, но по силуэту я узнал корабль типа «Ормонде», свыше 15 тысяч тонн.

— Ребята, — сказал я и почувствовал их волнение, — скрестите пальцы, постарайтесь и добейтесь, — затем скомандовал: — Огонь!

Мы ждали, считая. Секунды тянулись медленно до боли. Корабль был на большом расстоянии, слишком большом, боялся я. Затем вдруг прямо в середине высоко над мачтой поднялся столб воды, и сразу мы услышали треск. Лайнер повалился на правый борт. Спасательные шлюпки спускали в большой спешке, их было много. Между ними в воде подпрыгивали сотни голов. Невозможно было помогать им, потому что берег был близко и корабль еще на плаву. На баке ясно были видны пушки. Мы отступили под воду. Когда через несколько минут мы всплыли, на поверхности моря видны были только спасательные шлюпки. Я спустился к себе, чтобы заполнить военный дневник. Когда я проходил центральный пост, мне в глаза бросилась надпись на двери:

«66 587 тонн. Выучи наизусть».

Глава 12
Залив Скапа-Флоу

После обеда мы стояли, болтая, в столовой нашей базы. Дежурный открыл дверь, вошел капитан фон Фридебург.

— Внимание, господа. Корветтен-капитан Собе, капитан-лейтенанты Велмер и Прин, вам приказано явиться к командующему подводным флотом.

Он откозырял и ушел. Мы посмотрели друг на друга, и мой командир спросил:

— Какого черта? Что вы еще натворили? Драка или что-нибудь еще? — Он посмотрел сначала на Велмера, потом на меня.

Велмер ответил за обоих:

— Нет, господин капитан.

Через десять минут мы плыли в Вейзель. В гавани было тихо. Мы молчали. Я раздумывал, чего хочет от нас командующий, потому что такой вызов в воскресенье был необычным. Мои товарищи тоже терялись в догадках. Когда мы прибыли в Вейзель, на набережной Тирпиц была построена команда подлодки. Командующий инспектировал их. Мы прошли в столовую и ждали. Минуты казались часами, пока, наконец, не пришел посыльный. Щелкнув каблуками, он сказал:

— Будьте любезны пройти к командующему в адмиральскую столовую.

Собе пошел первым, за ним Велмер. Я остался один и уставился в окно. Что могло произойти, хотел бы я знать. Ожидание становилось невыносимым. Наконец посыльный вернулся.

— Будьте любезны, капитан Прин, пройти к командующему.

Он прошел передо мной несколько ступенек, и я вошел в большую комнату. В центре стоял широкий стол, покрытый картами. За ним стояли командующий, Велмер и Собе.

— Явился по вашему приказанию.

— Спасибо, Прин. — Командующий протянул мне руку. — Теперь, пожалуйста, внимательно послушайте Велмера. — Он повернулся к Велмеру: — Начните с самого начала.

Велмер подошел к столу и наклонился над картами.

— Обычные меры безопасности, те же, что всегда. Особые меры, о которых я доложил в военном дневнике, вот в этих точках. — Он пальцем показал несколько точек на карте.

Я следил за ним глазами. Он указал на Оркни. В центре карты было написано большими буквами: «Залив Скапа-Флоу».

Велмер продолжал объяснять, но в тот момент я едва мог понять его, потому что мои мысли крутились вокруг названия Скапа-Флоу.

Адмирал Дениц, командующий подводным флотом, сказал:

— Во время войны здесь проходила британская линия обороны. — Он наклонился над картой и указал места с точками по компасу. — По всей вероятности, они снова там. В этом месте погиб Эсманн. — Стрелка компаса указывала на Хох-Саунд. — Вот здесь, — движение компаса, — обычная якорная стоянка британского флота. Все семь входов в залив защищены и хорошо охраняются. Но думаю, решительный командир сможет попасть туда. — Стрелка компаса бродила по карте. — Напоминаю, это будет нелегко, потому что между островами очень сильное течение. И все-таки я верю, что это можно сделать. — Он поднял голову и изучающе посмотрел на меня из-под нависших бровей. — Ваше мнение, Прин?

Я уставился на карту, но раньше, чем успел ответить, командующий продолжал:

— Я не жду ответа сейчас. Подумайте над этим. Возьмите всю информацию с собой и изучите возможности. Я жду ваше решение во вторник. — Я вытянулся. Он посмотрел мне в глаза: — Надеюсь, вы понимаете, Прин. Вы совершенно свободны в принятии собственного решения. Если вы придете к заключению, что это предприятие невозможно, вы доложите мне об этом. — Он продолжал с пафосом: — Никакие порицания не коснутся вас, Прин, потому что мы знаем, что ваше решение будет основано на вашем продуманном мнении.

Он пожал мне руку, я собрал карты и заметки, откозырял и ушел.

Заперев все материалы в стальной сейф на базе «Гамбург», я отправился домой. По пути солдаты и матросы приветствовали меня, но я отвечал механически. Я ощущал огромное напряжение. Выполнимо ли это? Здравый смысл заставлял меня подсчитывать и выяснять возможности, но в глубине души я уже решил. Дома ужин был на столе. Я рассеянно поздоровался с женой и ребенком, потому что мысли были заняты навязчивой идеей о Скапа-Флоу. После ужина я уговорил жену пойти погулять одну, потому что мне надо еще поработать. Она кивнула, улыбаясь немного печально: «Да, следующий патруль», — но ушла без дальнейших замечаний или вопросов. Она была дочерью солдата. Как только она ушла, я вернулся на базу «Гамбург», чтобы взять карты и документы из сейфа домой. Там я сел за письменный стол и разложил карты перед собой. Я решал эту проблему как математическую задачу. Тщательность планирования защиты

была просто изумительной. К тому времени, как я закончил, было уже темно. Свернув документы, я понес их обратно на «Гамбург» через темный молчаливый город. Только звезды мерцали в небе. На следующее утро я попросил капитана фон Фридебурга о встрече. Он сразу принял меня.

— Ну, — сказал он, глядя на меня сузившимися глазами, — что вы придумали, Прин?

— Когда я могу явиться к командующему?

— Так вы собираетесь?..

— Да.

Он тяжело опустился на стул и потянулся к телефону.

— Я так и думал, что вы сможете, — сказал он, — только не был уверен насчет жены и ребенка.

Затем он говорил по телефону:

— Господин командующий, Прин сейчас у меня. Хорошо… В четырнадцать часов, — и после паузы добавил: — В два часа вы можете видеть командующего. Большой Лев ждет.

Ровно в два часа я был там. Когда я вошел, он стоял у стола и даже не ответил на мое приветствие, как бы не заметив его. Он внимательно посмотрел на меня и спросил:

— Да или нет?

— Да.

Тень улыбки прошла по его лицу. Потом, снова став серьезным, он спросил:

— Вы все тщательно взвесили? Думали ли вы об Эсманне и Хенне?

— Да, господин командующий.

— Ну что ж. Готовьте лодку. Мы наметим время выхода позже.

Он встал, обошел стол и молча пожал мне руку. Пожатие было крепким.

Мы вышли 8 октября в десять часов утра. Опять было прекрасное ясное воскресенье. Капитан фон Фридебург стоял на набережной с адъютантом командующего флотилией. Я недолго постоял с ними на пирсе, глядя на маленькую лодку, готовую к рискованному походу. Команда была уже на борту.

Прохаживаясь по пирсу, мы почти не разговаривали, только в конце Фридебург сказал:

— Ну, Прин, что бы ни случилось, будь уверен, будет много тысяч тонн. Удачи тебе, мой мальчик.

Я откозырял и пошел на борт. Концы были отданы, и рев дизелей громом прогремел в лодке. Мы медленно уходили в серо-зеленое море, наш курс — норд-норд-вест, а наша цель — залив

Скапа-Флоу. Две фигуры на берегу растаяли в сероватом тумане. Земля утонула за горизонтом, а потом было только небо и море, зеленое и по-осеннему прохладное. Усталое солнце проливало на воду бледный свет.

Вышли на курс норд-норд-вест. Никто на борту не знал цели похода, только я. Мы увидели рыболовецкий траулер и погрузились. На горизонте виднелись нити дымов далеких кораблей, но мы не погнались за ними. Команда вопросительно поглядывала на меня, но никто ничего не говорил, а я не мог. Тяжело было отмалчиваться перед своими товарищами.

В первый день погода была солнечной, но постепенно портилась. Мы плыли в зону пониженного атмосферного давления, идущего от Ирландии. Ветер усиливался, и вахта на мостике надевала плащи. На высоте Дункранби-Хед барометр упал. Ветер посвежел до силы шторма. Море вставало темное, угрожающее, с пенными гребнями. Вершины волн бледно мерцали на темном вечернем небе. Мы стояли на рубке и старались хоть что-нибудь разглядеть в темноте. Не было видно ничего. Ни звезд, потому что небо затянуто тяжелыми облаками, непрерывно моросящими. Ни огоньков на берегу, потому что война выключила их одним движением. Вокруг — только темнота. Слева над волнами можно было различить тень.

Острова.

Мы приближались к объекту, двигаясь вблизи от врага. Эндрас наклонился ко мне:

— Мы собираемся посетить Оркни?

Пришло время, когда я мог говорить.

— Держись, — сказал я, — мы идем в Скапа-Флоу. — Я не мог видеть его лицо. Дул ветер, ревело море. Потом сквозь шум донесся тихий твердый голос:

— Это будет здорово, командир, это совершенно здорово.

Я подумал, что Эндрас мог бы сказать что-нибудь и получше в такой момент, но вслух сказал только:

— Мы ляжем на дно у берега. Собери команду в столовой.

Затемненный берег пропал за горизонтом, и мы снова оказались одни между небом и водой. Через полчаса мы закрыли люк боевой рубки. По кораблю раздавалось жужжание вентиляторов. Вода с шумом вливалась в баки по мере погружения. Завывание ветра утихло, море стало спокойным, мы в тишине плыли на глубине. Слышалось только высокое визжание электромоторов, потом едва заметный удар, и моторы выключились. Мы лежали на дне. Это произошло 13 октября в четыре часа утра.

Я пришел в столовую. Все уже собрались там. Свет ламп без

абажуров делал их лица белыми как мел, с глубокими черными тенями под глазами.

— Завтра мы войдем в Скапа-Флоу, — сказал я без всякого вступления. Молчание было таким глубоким, что слышалось, как где-то капает вода. — Все, кроме вахтенных, должны лечь в койки и спать. Вахта разбудит кока в четырнадцать часов. В шестнадцать часов мы пообедаем. Затем в течение всей операции горячей пищи не будет. Только холодные сандвичи на всех постах. Каждый получит плитку шоколада. Все лишнее освещение выключается, так как мы должны экономить электроэнергию. Без необходимости никто не должен двигаться. Этот вечер мы будем лежать на дне, следует экономить воздух. Во время всей операции должно быть абсолютное молчание. Ни одно сообщение не должно повторяться. Все поняли?

— Да, командир, — ответили как один человек.

— Команда свободна.

Молчание. Они скорчились на своих местах и смотрели на меня. Лица были спокойны, на них не отражалось ни удивления, ни страха.

Я пошел к себе и лег. Над головой — выкрашенный в белое щит, с которого на меня слепо смотрели головки заклепок. Лампы гасли одна за другой, пока лодка не оказалась почти в полной темноте. Воцарилась жуткая тишина, только море постукивало по бортам лодки. В центральном посту шепотом разговаривала вахта. Я подумал о людях, лежащих на своих койках. Они плавали со мной достаточно долго, чтобы понять, насколько важна завтрашняя операция, но ни один из них не выдал свои мысли. Они хранили молчание, и, если в этот час кто-то из них и размышлял над услышанным, он делал это спокойно и без слов. Мне хотелось спать, но я не мог. Я закрыл глаза, и карта Скапа-Флоу появилась перед моим мысленным взором. Залив, имеющий семь входов, через один из которых я должен туда попасть. Я постарался представить себе мой путь. Наконец, я больше не мог это выносить. Я на цыпочках прокрался по лодке. Длинная полутемная комната, казалось, была пронизана беспокойством. Кто-то прочищал горло, кто-то тяжело ворочался на койке. Несколько человек подняли головы, когда я проходил.

В кают-компании я обнаружил Спара, штурмана, склонившегося над картами.

— Ты здесь?

— Я должен посмотреть на карты еще раз, — извиняясь, сказал он.

Мы стояли бок о бок и смотрели на карты. Потом Спар прошептал:

— Командир, вы уверены, что мы сможем войти?

— Ты думаешь, я пророк, Спар?

— Положим, все пойдет не так?

— Тогда нам крупно не повезет.

Занавеска перед одной из коек зашуршала. Эндрас высунул голову:

— Я больше не могу спать. Можете отдать меня под трибунал, если хотите.

— Замолчи и береги воздух, — прошипел я.

Он со вздохом скрылся в своей норе. Я вернулся к себе и лег. На этот раз мне удалось заснуть, но спал я вполглаза.

В четырнадцать часов я слышал, как вахта будила кока, и видел его сквозь полузакрытые глаза. Он обернул ноги тряпками, чтобы не шуметь, поскольку прослушивающие аппараты противника очень чувствительны. При некоторых обстоятельствах можно слышать шум ботинок по железным плитам пола в соседнем корабле.

В шестнадцать часов все проснулись. Еда состояла из телячьих котлет и зеленой капусты. Это был пир, и дневальные бегали за добавкой. Я сидел с Весселем и Барендорфом. Последний забавлял нас и трещал, как сверчок. Наконец, столы убраны. Три человека прошли по всей лодке и установили заряды. Если мы попадем в руки врага, они взорвутся. Я еще раз прошел по всем помещениям и дал последние указания. Во время операции никто не должен курить и, что еще важнее, говорить без необходимости. Сделаны последние приготовления. Все проверили свои спасательные жилеты. Я бросил последний взгляд на выходной люк. Штурман уточнял свои карты. Те, кто собирался на мостик, надели плащи.

Девятнадцать часов. Снаружи должна быть ночь. Короткие команды. Начали работать трюмные насосы, и Вессель, главный инженер, доложил:

— Лодка поднимается. Один метр… два метра…

Завизжали моторы, лодка поднималась. Я пошел в центральный пост.

— Поднять перископ.

Труба поднималась медленно и осторожно, ее стеклянный глаз обшаривал горизонт. Была ночь.

Я глубоко вдохнул и приказал:

— Подъем.

Сжатый воздух потек в баки, из которых с бульканьем

выходила вода.

— Опустить перископ.

И труба скользнула вниз. Послышался шум лодки, разрывающей поверхность. Она всплывала, качаясь, как пьяный с перепоя. С глухим стуком открылся люк. Поток воздуха пошел внутрь, а мы как можно быстрее выскочили наружу: два офицера, боцман и я. Навострив уши, я слушал темноту. Ничего не было ни слышно, ни видно. Ветер стих, море слегка волновалось. Я осмотрелся, остальные доложили вполголоса, но четко:

— Правый борт чист.

— Левый борт чист.

— Корма чиста.

— Проветрить лодку, — приказал я, и два вентилятора начали вращаться.

— Оба двигателя!

И снизу:

— Оба дизеля готовы.

— Стоп электромоторы! Оба дизеля малый вперед.

Началось знакомое жужжание двигателей, и, рассекая носом волну, лодка двинулась вперед. Теперь глаза привыкли к темноте и могли видеть ясно — слишком ясно. Лодка, набегающие волны и за ними — береговая линия.

— Странно светло сегодня, — сказал я.

— Не могу представить почему, командир, — ответил Эндрас.

Это был свет не от луны и не от прожектора. Источник его был спрятан. Казалось, костры где-то на севере, за горизонтом, освещали края облаков. Догадка поразила меня как удар. Северное сияние! Никто не подумал об этом. Мы выбрали ночь в новолуние, а теперь становилось светлее с каждой минутой, потому что северный ветер сдувал облака. Я спросил себя, не погрузиться ли до следующей ночи, потому что в этих широтах северное сияние редко бывает дважды подряд. Я обернулся. Эндрас в бинокль осматривал море слева.

— Ну, что там? — спросил я.

— Хороший свет для стрельбы, — ответил он спокойно.

И в то же время я услышал, как Барендорф прошептал сигнальщику:

— Похоже, будет веселая ночка!

Хотелось бы мне знать, сохранится ли у моих парней такое же настроение до завтра.

Я изменил курс.

— Оба дизеля полскорости вперед.

Волна увеличилась, пена захлестывала палубу. Мы смотрели в ночь. Любопытно, насколько ответственность обостряет

способности. Довольно долго перед нами на воде лежала тень, слишком смутная, чтобы разглядеть ее в бинокль. Возможно, это рыбацкая шхуна, возможно, нейтральный пароход, идущий на большом расстоянии. Но в нашей ситуации каждая встреча грозила опасностью.

— Тревога! Погружение!

Мы бросились через люк в лодку.

— Продуть баки!

Вода хлынула в баки.

— Поднять перископ!

Я прильнул к перископу. Внизу первый офицер отдавал приказы рулевому, а потом послышался глубокий и спокойный голос Спара:

— Командир, пора изменить курс. Двадцать градусов на правый борт.

— Пятнадцать градусов на правый борт, — скомандовал я.

После короткой паузы рулевой ответил:

— Точно на новом курсе.

Тень наверху исчезла. С другой стороны северный ветер отгонял облака к югу, оставив только тонкую вуаль тумана, стелющегося за ними по небу. Но в этой дымке северное сияние светило даже ярче, чем прежде, посылая в зенит оранжевые и синие лучи. Волшебный свет, как в день Страшного суда.

Мы приблизились к берегу. Холмы, казалось, стали плотнее и черными мрачными силуэтами вырисовывались на фоне яркого неба. Их темные тени отражались в бледной мерцающей воде.

— Командир, вы когда-нибудь видели северное сияние? — раздался голос за моей спиной. — Я никогда не видел!

Я обернулся, готовый выругаться, но промолчал, увидев Саманна. Он стоял с широко открытыми глазами, как ребенок, слушающий волшебную сказку. И он знал так же хорошо, как я, что было поставлено на карту. Я молча отвернулся. Тени от холмов справа и слева смешались, вода потемнела. Зарево на небе исчезло. Потом внезапно снова стало светло. Далеко к горизонту перед нами открылся залив, где, как в зеркале, отражалось пылающее небо. Как будто море освещалось снизу.

— Мы внутри, — сказал я.

Никто не ответил, но мне показалось, что вся лодка затаила дыхание, а двигатели заработали тише и быстрее.

Это был широкий залив. Хотя холмы, окружающие его, были очень высоки, с лодки они выглядели как цепь низких дюн. Осторожно осматриваясь во всех направлениях, мы двигались вперед в спокойные воды. Несколько огоньков пролетели над водой, как падающие звезды. Я почувствовал, как кровь стучит в

висках. Но это были только танкеры, спящие на якорях. Наконец, там, ближе к берегу, показался величественный силуэт военного корабля, четкий, как будто нарисованный на небе черными чернилами. Все его контуры казались филигранной работой. Мы медленно приближались к нему. В такой момент все чувства замирают. Ты становишься частью лодки, мозгом этого стального зверя, крадущегося к своей огромной добыче. В такой момент ты должен отождествить себя с железом и сталью — или погибнуть.

Мы подкрались еще ближе. Теперь мы могли ясно видеть выступы орудийных башен, пушки которых угрожающе поднимались к небу. Корабль лежал как спящий великан.

— Думаю, он относится к классу «Ройал Оук», — прошептал я.

Эндрас молча кивнул.

Мы подкрались еще ближе и внезапно за первым силуэтом увидели смутно вырисовывающиеся контуры второго корабля, такого же огромного и мощного, как и первый. Мы смогли узнать его, увидев за кормой «Ройал Оук» мостик и орудийную башню. Это был «Рипалс». Мы должны атаковать сначала его, потому что «Ройал Оук» прямо перед нами и никуда не денется.

— Все аппараты готовы.

Команда эхом отдалась по лодке. Затем молчание, прерываемое только булькающими звуками идущей в аппараты воды. Потом шипение сжатого воздуха и тяжелый металлический звук, когда рычаг устанавливается в нужную позицию. Затем доклад:

— Аппарат один готов.

— Огонь! — скомандовал Эндрас.

Лодка задрожала. Торпеда пошла к цели. Если она попадет, а она должна попасть, так как силуэт прямо перед нашими глазами… Спар начал считать:

— Пять, десять, пятнадцать…

Время казалось вечностью. На лодке не слышно ни звука, только голос Спара тяжело отдается в тишине:

— Двадцать…

Наши глаза неотрывно следят за целью, но стальная крепость остается неподвижной. Внезапно с носа «Рипалса» в воздух поднимается столб воды и доносится глухой звук детонации. Похоже на брань в отдаленной ссоре.

— Попал, — говорит Эндрас.

Вместо ответа я спрашиваю:

— Второй аппарат готов?

Я направил лодку к «Ройал Оук». Мы должны были поторопиться, иначе они вцепятся в нас раньше, чем мы выпустим

вторую торпеду.

— Пять на левый борт.

Лодка медленно повернула налево.

— Руль на середину.

Мы были прямо против «Ройал Оук». Он выглядел даже мощнее, чем раньше. Казалось, его тень стремится достичь нас. Шмидт управлял лодкой так, словно сам мог видеть цель. Середина корабля в перекрестье. Теперь нужный момент.

— Огонь, — командует Эндрас.

Снова лодка вздрагивает от отдачи, и снова голос Спара начинает считать:

— Пять… десять…

Но тут происходит нечто, чего никто не ожидал, а те, кто видел, никогда не смогут забыть. Стена воды поднимается к небу. Впечатление такое, будто море внезапно поднялось. Один за другим громкие взрывы звучат, как барабанная дробь в сражении, и соединяются в мощном грохоте, разрывающем уши. Пламя, синее, желтое, красное, ударяет в небо. Небо полностью скрыто этим адским фейерверком. Сквозь пламя парят черные тени, как огромные птицы, и с шипением и плеском падают в воду. Фонтаны воды поднимаются высоко вверх, а там, куда они падают, видны обломки мачт и труб. Вероятно, мы попали в склад боеприпасов, и смертельный груз разорвал собственный корабль на части.

Я не мог оторвать глаз от этого зрелища. Казалось, распахнулись ворота ада и я заглянул в пылающую печь. Я посмотрел вниз, в лодку.

Внизу было темно и тихо. Я мог слышать жужжание моторов, даже голос Спара и ответы рулевого. Как никогда раньше, почувствовал я родство с этими людьми, молча выполняющими свои обязанности. Они не видят ни света дня, ни цели и умрут в темноте, если понадобится.

Я крикнул вниз:

— Его прикончили!

Минуту было тихо. Потом могучий рев прокатился по кораблю, почти звериный рев, в котором нашло выход сдерживаемое напряжение последних двадцати четырех часов.

— Молчать! — закричал я, и стало тихо.

Слышен был только голос Спара:

— Три румба налево.

И ответ рулевого:

— Три румба налево.

Фейерверк над «Ройал Оук» замирал, лишь изредка оживляемый случайными запоздалыми взрывами. В заливе

началась лихорадочная деятельность. Над водой прожекторы шарили своими длинными белыми пальцами. То тут, то там загорались огоньки, маленькие быстрые огоньки над водой, огни эсминцев и охотников за подлодками. Они зигзагами летали, как стрекозы, над темной поверхностью. Если они поймают нас, мы пропали. Я бросил вокруг последний взгляд. Подбитый корабль умирал. Больше я не видел ни одной стоящей цели, только преследователей.

— Лево на борт, — приказал я. — Оба дизеля полный вперед.

Нам оставалось попытаться сделать только одно: выбраться из этого ведьминского котла и в целости доставить домой лодку и команду.

Холмы снова скрылись. Течение, имеющее здесь силу разъяренного потока, схватило нас и бросало из стороны в сторону. Двигатели работали вхолостую. Казалось, мы двигаемся со скоростью улитки, а иногда просто стоим без движения, как форель в горном потоке. Позади из путаницы огней выделились огни эсминца и понеслись прямо к нам. А мы не могли двигаться вперед. Лодку бросало из стороны в сторону, в то время как противник настойчиво нагонял нас. Мы уже могли различать его узкий силуэт на фоне неба.

— Интересно, догонит он нас? — хрипло спросил Эндрас.

— Самый полный вперед! — приказал я.

— Двигатели работают на предельной скорости, — пришел ответ.

— Включите электромоторы. Дайте все, что можно.

Это был ночной кошмар. Нас как будто держала невидимая сила, а смерть подступала все ближе и ближе. Замелькали точки и тире.

— Он подает сигналы, — прошептал Эндрас.

Лодка содрогалась, вытягиваясь против течения.

Мы должны выбраться… Мы должны выбраться. Эта единственная мысль стучала в моей голове в едином ритме с двигателями. Мы должны выбраться…

Затем — чудо из чудес — преследователь отвернул. Свет скользнул над водой в сторону, а потом послышался звук первых глубинных бомб. С трудом, с болью лодка пробиралась через узкий пролив. Снова стало темно. Откуда-то издалека доносились слабеющие разрывы глубинных бомб.

Перед нами лежало море, широкое и свободное, огромное под бесконечным небом. Глубоко вдохнув, я повернулся, чтобы отдать последний приказ в этой операции.

— Всем постам. Внимание! Один уничтожен, один подбит — а мы прошли!

На этот раз я позволил им орать.

Глава 13
Аудиенция у Гитлера

Все продолжалось, как раньше. Устанавливались вахты, мы ели, пили и спали, как всегда. Но нервы наши еще пощипывало из-за волнений в прошлом. На следующий день, когда мы были уже далеко в Северном море, по радио объявили:

> «Английский военный корабль „Ройал Оук“ был атакован и потоплен германской подлодкой в заливе Скапа-Флоу. По сообщениям англичан, подлодка тоже потоплена».

Я оказался в центральном посту, когда пришло это сообщение. Рядом стоял Бом. Мы посмотрели друг на друга. Внезапно он закатился хохотом:

— Мы потоплены, а? Не слишком ли это плохо? Разве мы не бедные проклятые подонки?

Что следовало сделать, было сделано, но волнение от совершенного еще долго оставалось.

На третье утро мы увидели землю, тонкую голубоватую полоску над волнами. Вскоре пристань протянула свою длинную каменную руку, чтобы приветствовать наше возвращение. Хансель, сигнальщик, доложил с придыханием:

— Сэр, получен сигнал. Адмирал ожидает нас у шлюза.

— Спасибо, — поблагодарил я, одновременно обрадованный и смущенный, и приказал команде построиться на палубе.

Когда мы приблизились, военный оркестр поднял свои блестящие инструменты и грянул гимн. Большая толпа людей приветствовала нас, когда мы проходили шлюз и швартовались. Когда я, пройдя с мостика на набережную, приблизился к человеку в голубой шинели, торжественность момента охватила меня. Горло стало сухим и жестким. Я доложил:

— Лодка вернулась с операции. Один вражеский корабль потоплен, другой поврежден.

Адмирал поблагодарил меня от имени фюрера и военно-морского флота. Потом пожать мне руку подходили другие, начиная с вице-адмирала Деница, командующего флотилией подлодок. «Почему столько благодарностей? Ведь головы были ваши, а мои только руки, выполнившие это». Но присутствие посторонних заставило меня промолчать.

Мы покинули шлюз и отправились к месту постоянной

стоянки в гавани. Едва мы пришвартовались, явился офицер и вручил мне приглашение фюрера прибыть в Берлин. Командир и команда будут его гостями в рейхсканцелярии. Затем последовали полет в Берлин на личном самолете фюрера, приземление в Темпельхофе и триумфальная поездка по улицам, вдоль которых десятки тысяч человек стояли, ликуя и приветствуя нас.

Мы прибыли в рейхсканцелярию. Команда выстроилась в большом кабинете. С улицы доносились приглушенные крики толпы. Вошел адъютант и объявил о прибытии фюрера.

Фюрер вошел. Я часто видел его раньше, но никогда не ощущал его величие так сильно, как в эти минуты. В том, что я тоже стоял здесь, рядом с ним, осуществлялась мечта моей юности. А осуществление юношеских мечтаний, возможно, — лучшее, что может подарить жизнь. Но я был ничем по сравнению с этим человеком, который чувствовал унижение своей страны как свое собственное, который мечтал о свободном и счастливом отечестве. Не известный никому среди восьмидесяти миллионов соотечественников, он мечтал и действовал. Его мечты осуществились, его деяния выковали новый мир.

Я строевым шагом подошел к фюреру. Он пожал мне руку и приколол мне на грудь Рыцарский Железный крест, награждая тем самым не только меня, но и всю команду. В эти минуты я чувствовал гордость и счастье.

Напрасно это отрицать. Но я знал, что стою здесь как символ многих из тех, кто, молчаливо и безымянно, участвовал в нашей общей борьбе.

Мне достался успех. Но что, в конце концов, значит успех? Это, возможно, везение или рука провидения? Для людей важно лишь то, что человек должен иметь сердце борца и забывать о себе, выполняя свое дело.

Фюрер шел вдоль короткого строя людей, благодаря каждого и каждому пожимая руку. Я шел за ним и смотрел на всех них, человека за человеком, и мое сердце билось в унисон с их сердцами.

Заключение
Берлин, 23 мая 1941 г

Верховное командование вермахта сообщает:

Подлодка под командованием корветтен капитана Гюнтера Прина не вернулась с последнего боевого патрулирования. Предполагается, что судно погибло.

Фюрер наградил корветтен-капитана Гюнтера Прина, героя Скапа-Флоу, Рыцарским Железным крестом с дубовыми листьями в знак признания его выдающихся заслуг. Он и его мужественная команда всегда будут жить в каждом немецком сердце.